1

После пересадки в Майами Боинг 747 взял курс на Москву. Николай досматривал второй сон, когда из динамиков раздался голос командира корабля. Сновидение попыталось вплести этот звуковой фон в картину сна, но уже через мгновение тревога кольнула и вырвала Николая из иллюзорного мира.

— Что случилось? — спросил он.

— Говорят, неполадки с оборудованием, — ответила Эмили, — мы возвращаемся в Майями.

— Везёт нам на проблемы с рейсами, — сказала Кузя, — может, это мы приносим им несчастья?

— А чего ты хотела, это же катарские авиалинии, — ответил Макар, — они там все упоротые — обколются своими бустерами, а потом отрубаются прямо в кресле пилота.

Николай укоризненно посмотрел на друга.

— Тебе не кажется, что ты немного перегибаешь в своих попытках во всём найти следы ковидобесия?

— А какие ещё могут быть варианты?

Николай взглядом указал на иллюминатор.

— Посмотри налево.

— Оппаньки! — выдохнул Макар.

За ближайшей к ним турбиной Боинга тянулся отчётливый дымный след. Эмили тут же задёрнула шторку.

— Чтоб не было паники, — объяснила она.

— Для паники пока нет повода, — успокоил её Николай, — Боинг и на трёх двигателях уверенно приземлится.

— Конечно, зачем волноваться! — передразнил его Макар. — Подумаешь — то одно ломается, то другое. Мир разваливается на глазах; но для паники, разумеется, нет никакого повода!

Приземление, как и обещал Николай, обошлось без проблем. До пересадки оставалось три часа, и покидать аэропорт не было смысла. Друзья вышли из здания и расположились на скамейке под пальмой. Эмили достала книжку в жёлтой обложке, купленную в киоске аэропорта, и зашуршала

страницами. Через несколько минут она разочарованно захлопнула книгу и опустила её в ближайшую урну.

— Хотела поупражняться в литературном английском, — пояснила она, — но это совершенно невозможно читать. Не понимаю, зачем кто-то печатает такой шлак.

— Других писателей для вас нет! — ответил Макар. — Когда ты последний раз читала гениальную книгу?

И, не дождавшись ответа, продолжил:

— Вот то-то и оно! Нынешним мастерам культуры не до шедевров, они заняты более важными делами — борются за всё хорошее против всего плохого. Например, за своевременное обеспечение мужских туалетов прокладками с крылышками. В здешнем, кстати, есть, я проверил.

— Как будто у естественников дела лучше, — парировала Кузя, — когда было сделано последнее фундаментальное открытие в физике? Сегодняшнюю иллюзию прогресса поддерживает лишь развитие технологий, подбирающих последние крохи со стола фундаментальной науки. Но эти крохи, похоже, действительно уже последние.

— Вот и поговорили, — подвёл итог Николай.

— Да мы только начали! — возразил Макар.

Николай покачал головой.

— Вы закончили. У нас гости.

2

Чертовка подошла к скамейке с солнечной стороны, так что друзья не сразу узнали её.

— Явление беса народу, — прокомментировал Макар, — и как прикажешь это понимать? Мы ещё после Гватемалы[1] не выдохнули, а ты уже снова нарисовалась, такая красивая.

— Форс-мажор, — ответила Бестия, — пора спасать мир.

— И что на этот раз не так с нашим миром?

— Чуть больше, чем всё. Сам же знаешь, что «так» с этим миром никогда и не было; но по пустякам я вас не беспокоила. Раз я здесь, значит, на то есть причины.

---

[1] Эта история описана в шестой книге серии «Хтонь».

Она замолчала, ожидая вопросов. Но друзья давно знали её манеру начинать издалека; любое уточнение сейчас лишь затянуло бы объяснения, ничего к ним не добавив. Никто не проронил ни слова, все напряжённо ждали продолжения. Эта игра в гляделки продолжалась не больше минуты. Чертовка не выдержала первой.

— Вы не замечали, что в большой науке как-то тухло стало с открытиями? Что ваш так называемый прогресс цепляется лишь за технологии, которые…

— Ты что, подслушивала? — перебил её Макар. — Мы же совсем недавно об этом говорили.

— Об этом сейчас многие говорят, — ответила чертовка, — такие вещи трудно не заметить. Но я пришла рассказать не про что, а про почему.

— Так не тяни! — сказал Николай.

Чертовка, как всегда, начала с пространного вступления.

— Вы, белковые, поразительно самовлюблённые создания. Заметили торможение прогресса и удивляетесь — с чего бы это? Нас-то за что? А следовало бы удивляться другому — почему совсем недавно ваш прогресс летел ввысь стремительным домкратом. Но вы восприняли это как должное — да, мы такие умные, всё сами, своим умом. Дважды сапиенсы, гениальцы-красавцы вселенчатые!

— А что не так-то? — перебил чертовку Макар. — От открытия дифференциального исчисления до квантовых компьютеров прошло полтысячелетия, между прочим; было время подтянуть и математику, и физику.

— Не спорю, умники, порой, встречаются и среди белковых, — согласилась чертовка, — но я сейчас говорила совсем о другом факторе. О своевременности. Когда подготовлена математическая база, выделены материальные средства, собрана команда учёных, построен какой-то синхрофазотрон — самое время открыть новый эффект. Это предсказуемо и даже планируемо. Но у вас же сплошь и рядом было не так — за несколько десятилетий до своевременного открытия в голову учёному приходит идея — и он делает то же самое открытие «на кончике пера». А откуда эта идея пришла — никто даже не задумывается. Приснилась Менделееву его таблица элементов — ну и ладушки; используем её и не рефлексируем.

— А откуда, по-твоему, приходили эти идеи? — спросил Макар.

— Сам не догадываешься? — ответила чертовка. — Не видишь связи между открытиями своевременными и несвоевременными?

— Ты намекаешь, что наши потомки сумели построить машину времени?

— Узкий специалист подобен флюсу, — ответила чертовка, — был бы ты чуть образованнее, понимал бы, что материальные объекты невозможно перенести в прошлое.

— А в будущее? — спросил Макар.

Чертовка довольно оскалилась.

— Если ты о себе, то запросто. Ставишь таймер, залезаешь в криокамеру — и вперёд с песней!

— Не отвлекайтесь, — попросил Николай, — с материей вопросов нет. А что с информацией?

3

Чертовка вновь приняла серьёзный вид.

— С информацией сложнее. Но не думаю, что кто-то специально её вам передавал. Скорее это была не машина времени, а какая-то непредусмотренная утечка. Неизвестное свойство пространственно-временного континуума, с вашими технологиями никак не связанное.

— Но как такое возможно? — спросила Эмили. — Будущее ведь непосредственно зависит от прошлого?

— Конечно зависит, — согласилась чертовка, — но у вас здесь почему-то образовалась локальная петля времени.

— Ты хотела сказать «кольцо»? — уточнил Макар.

— Нет, именно петля. Кольцо — это стереотип вашей фантастики. А я вижу тут временну́ю петлю обратной связи. Когда в будущем кто-то делает запланированное своевременное открытие, информация о нём каким-то образом просачивается в прошлое. В котором эта информация считывается — и совершается то же самое открытие, но несвоевременное— «на кончике пера». Это открытие, опередившее своё время, разгоняет ваш прогресс, и приближает своевременное — уже не открытие, но подтверждение. И так далее; петля временно́й обратной связи работает как универсальный ускоритель.

— И с литературой так же? — спросила Эмили.

— Устами поэта говорит бог, — ответила чертовка, — как думаешь откуда это? Все эти «снизошло» и «муза нашептала»?

Макар хотел что-то добавить, но Николай жестом остановил его.

— Это всё, конечно, интересно. Для общего развития. Но вы же знаете, что Бестия никогда не приходит просто так. Давайте уже перейдём к самому главному — почему это прекрасное движение вдруг остановилось?

— Не знаю, — пожала плечами чертовка, — ясно лишь, что в будущем должен наступить глобальный информационный кризис. Почему — понятия не имею. Может, Солнце взорвётся, и Земля перестанет существовать. Может, случится эпидемия, и перестанет существовать человечество. Может, разразится война всех против всех, ваша цивилизация провалится в каменный век, и людям придётся заново изобретать лук и колесо. В лучшем случае вы превратитесь в сытых и довольных паразитов, которым лень делать открытия.

— Или никаких катаклизмов не случится, а просто брешь в континууме затянется, и развитие науки продолжится естественным путём, — предположил Макар.

— Может и так, — согласилась чертовка, — но я бы не очень на это рассчитывала.

— То есть нам надо готовиться к глобальному инфокризису, — сказал Николай, — тогда второй вопрос — когда его ждать?

— Наши вычислители пытались рассчитать величину временно́го отрезка, захваченного петлёй обратной связи, — ответила чертовка, — разные методы дают разные результаты — от тридцати до пятидесяти лет. Но это в сторону прошлого; а в сторону будущего срок удалось предсказать с точностью до дня.

Кузя мгновенно напряглась.

— Но ведь это значит, что инфокризис может случиться в любой момент, хоть завтра!

— Всё не так плохо, — успокоила её чертовка, — завтра вряд ли что-то произойдёт. У вас в запасе есть ещё пять дней.

4

Все разом вскочили и заговорили одновременно. Чертовка узнала о себе много нового; самым мягким из присвоенных ей имён была «мохнатая жопа». Когда первый порыв стал утихать, Николай спросил:

— Почему раньше не сказала?

Чертовка обиженно надула губы.

— Я и сама только что узнала. Наше начальство темнило до последнего.

Она взглянула на Кузю и добавила:

— И ваше, кстати, тоже. В Инферно и Элизиуме объявили об этом практически одновременно.

— А ты уверена, что осталось всего пять дней? — спросил Макар. — Откуда такая точность?

— Магический анализ не даёт стопроцентной гарантии, — ответила чертовка, — он всего лишь просчитывает вероятности. Могу лишь сказать, что в Инферно и в Элизиуме считали по-разному, и промежуточные результаты порой сильно различались. Но крайний порог у них совпал с точностью до суток.

— И что решили делать? — спросил Николай.

Чертовка отвела глаза и уставилась на свои копытца.

— Никто ничего не решил. Везде разброд и шатания — что наверху, что внизу. Планов ни у кого нет.

— А у нас, значит, есть?! — возмутился Макар. — Ты же к нам за этим пришла? Вы там, на своих запредельных уровнях, просрали все полимеры, а мы, белковые мешки, должны за пять суток всё разрулить?!

Чертовка попыталась изобразить смирение на мохнатой морде, но у неё, конечно, ничего не вышло.

— Ну, раньше ведь у вас всё получалось.

— Раньше не было такого дедлайна, — возразил Николай, — да ещё при столь высоких ставках.

Чертовка сложила лапки в умоляющем жесте.

— Я в вас верю! Вы обязательно что-то придумаете!

— Откуда такая уверенность? — спросил Макар.

— Больше-то некому, — ответила чертовка.

Николай достал бумажную салфетку и вытер пот со лба.

— Прогноз все слышали, повторяться не буду. Что на кону, вы знаете. Если кто-то хочет уйти, чтобы провести последние дни с близкими — я пойму.

Он выждал минуту и облегчённо выдохнул — никто не тронулся с места. Все смотрели на него, чего-то ожидая.

— Хорошо, — сказал Николай, — у кого есть какие-то мысли по этому поводу?

Естественно, ни у кого не было не только мыслей, но даже понимания — с какой стороны подходить к этой проблеме.

— Может, хотя бы ассоциации? — спросил Николай.

Все продолжали молчать. Эмили нахмурилась, что-то вспоминая.

— Пять дней, пять дней... Как раз сейчас, если не ошибаюсь, солнцестояние. А значит, закончился месяц Шуль…

— Какой ещё шуль? — спросил Макар.

— Шуль — последний месяц в календаре майя, — пояснила Эмили, — и переводится он, кстати, как «конец».

— А при чём тут «пять дней»?

— Матчасть надо было учить, а не полагаться на свои гаджеты! — вмешалась чертовка. — Объясняю популярно, для технарей. Солнечный год у майя начинается и заканчивается в зимнее солнцестояние. В их календаре Тун[2] восемнадцать месяцев по двадцать дней каждый. Это, если ты ещё не разучился считать без калькулятора, в сумме даст триста шестьдесят. Поэтому после месяца Шуль у майя идут «пять дней без названия». Время духов, локальный конец света, когда следует ходить с оглядкой. А лучше вообще никуда не ходить — возжечь новый огонь и сидеть дома до обновления года.

— Не выходи из комнаты, не совершай ошибку,[3] — процитировал Макар.

— Именно. В эти дни истончается граница между мирами. И почтенным обывателям, избегающим встреч с потусторонним, лучше запереться в родных стенах. Хотя вас это, конечно, не касается; для вас это не проблема, а возможность.

Макар достал из рюкзака планшет.

— Какие грамотные все стали, страшно сидеть рядом с вами! Ничего, сейчас и я прокачаюсь до вашего уровня.

— Потом прокачаешься, — возразил Николай, — а сейчас поменяй нам билеты. Мы возвращаемся в Гватемалу.

---

[2] У майя было три основных календаря — Золкин (астрологический, 260 дней), Тун (пророческий, 360 дней) и Гааб (хозяйственный, 365,25 дней).

[3] «Не выходи из комнаты…» И.Бродский.

5

Второй раз ехать по знакомому маршруту[4] было гораздо легче. Николай гнал джип без остановки, и уже к вечеру друзья добрались до заброшенной копи в национальном парке Сьерра Де Лас Минас. Спустившись на узкую площадку, они включили фонари и огляделись. На покрытых мхом каменных стенах нельзя было различить ни малейшей трещины; Нусиван-Куль и Кусиван смыкались стык в стык. Врата Преисподней были заперты наглухо.

— Чаби-Тукур! — позвал Николай. — Отзовитесь, вестники Шибальбы!

В темноте послышалось хлопанье крыльев и на каменные выступы опустились четыре филина.

— Чего вы хотите? — недовольно спросил Чаби-Тукур. — В Шибальбе вас не ждут!

— Откройте Врата, — попросил Николай, — нам нужно поговорить с владыками.

— Владыки не будут говорить с вами, — ответил филин, — вы уже были здесь и сказали всё, что хотели.

— Нам только спросить! — вмешался Макар.

— Придётся подождать, — равнодушно ответил Чаби-Тукур, — в следующий раз Врата Шибальбы откроются через тринадцать бактунов.[5]

— Это твоё последнее слово? — спросил Николай.

— Да. Других не будет.

Филины снялись с мест и пропали в темноте. Макар проводил их взглядом.

— Похоже, мы где-то ошиблись.

— Да ты у нас просто Капитан Очевидность, — сказала Кузя.

Друзья поднялись на поверхность и подошли к джипу.

— Вспомнила! — вдруг воскликнула Эмили. — Всё время вертелось на языке! Было же ещё пять дней — «пять дней сверх года».

---

[4] История первой поездки и нисхождения в Шибальбу описана в шестой книге цикла «Хтонь».

[5] Бактун — мера времени майя, равная 144 000 дням (394 годам).

— И верно! — подхватила Кузя. — как я раньше не догадалась! Не понимаю, правда, как это может быть связано… Но с другой стороны — хтонь сейчас прорывается как раз на Ближнем Востоке.

— О чём вы опять? — спросил Макар. — Может объясните тупому валенку?

— Эмили всё расскажет по дороге, — ответила Кузя, — а сейчас закажи нам билеты. Мы летим в Луксор.

— Не надо ничего заказывать, — возразил Николай, — мы и так уже потеряли сутки. Я договорюсь о перелёте.

Он достал спутниковый телефон и отошёл в сторону.

6

В аэропорту Ла-Аурора друзей уже ждал заправленный бизнес-джет Gulfstream G650ER. Увидев его, Макар удивлённо присвистнул:

— Это же бешеные бабки! А не проще было лететь обычным рейсом?

Николай покачал головой.

— Сорок восемь часов до Каира. Не уложимся в график.

— А на этом красавце?

— На этом двенадцать до Луксора. Плюс-минус.

В салоне Гольфстрима Кузя и Николай заняли два кресла, остальные расположились на диване напротив.

— Что вы так привязались к этим пяти дням? — спросил Макар. — Какое отношение они имеют к временно́й петле и инфокризису?

— Может быть и никакого, — ответила Кузя, — но больше-то нам привязаться не к чему. Информации ноль. Беся не сказала ничего конкретного, кроме одного — осталось пять дней.

— Или мы идём по этому следу, — поддержала подругу Эмили, — или сидим на жопе ровно и вообще ничего не делаем. Что выбираешь?

— Ну хорошо, — нехотя согласился Макар, — а почему Луксор? Что там за история с этими пятью днями?

Эмили улыбнулась.

— Ты не поверишь. Это история любви. Великой всесокрушающей любви. Душащей всё живое в своих жарких объятиях.

— Обычная история, — сказал Макар, — и кто с кем на этот раз?

— Бог земли Геб и богиня неба Нут.

— А ты ничего не перепутала? Не наоборот?

— Нет, здесь всё именно так. У большинства народов боги неба оплодотворяют Землю животворным дождём; но в Египте с дождём как-то не сложилось. Тут за оплодотворение отвечают разливы Нила, приносящие на поля ил и влагу.

— Так любовь в норме и должна вести к оплодотворению,[6] — сказал Макар, — что же в этом страшного?

— Геб и Нут намертво слились в любовных объятиях, — ответила Эмили, — так, что между небом и землёй не осталось места ни для какой жизни. В чреве небесной коровы Нут уже зародилась пятёрка богов нового поколения, но влюблённые и тогда не могли оторваться друг от друга. Пришлось великому Ра приказать богу воздуха Шу отделить небо от земли. В наказание Ра проклял небесную корову, объявив, что её дети не смогут родиться ни в один из дней года.

7

Эмили замолчала, давая Макару время самому сделать выводы. Тот напряжённо наморщил лоб.

— А у египтян, как и у майя, в году было триста шестьдесят дней? — предположил он.

— Молодец! — похвалила его Эмили. — Идею ты понял.

— А откуда взялись ещё пять?

— Любовь и страсть правят миром, — ответила Эмили, — в том числе и страсть к азартным играм. Бог Тот решил помочь небесной корове и предложил богу Луны Иаху сыграть с ним в кости. Ставка казалась мизерной — одна семидесятая часть каждого дня. Но когда Тот выиграл и сложил эти части, он получил пять дней и прибавил их к году. Эти дни не входили ни в один из месяцев, их так и называли — «пять дней сверх года», праздник рождения новых богов. В первый день родился Осирис, во второй — Гор-ур, в третий Сет, в четвертый Исида и в пятый — Нефтида. Причём с Сетом вышла заминка, родовые пути не открылись. Чтобы уложиться в срок, Сету пришлось пробить дыру в боку матери и самостоятельно выйти из её чрева.

— Сурово, — признал Макар, — и какой у нас план? Опять придётся лезть в Преисподнюю? Кстати, как она там называется?

---

[6] Макар не разделяет идей ЛГБТ++.

— Дуат. И да, видимо, придётся.

— У меня есть знакомый в Британском музее, — сказала Кузя, — могу с ним поговорить…

Николай покачал головой.

— Не стоит даже пытаться. Если будем действовать по закону, только время потеряем. Нам нужен контрабандист, отмороженный чёрный копатель.

— Я с такими не общаюсь, — обиженно сказала Кузя.

Разговор зашёл в тупик. Положение спасла чертовка, внезапно материализовавшаяся на диванном подлокотнике.

— А я общаюсь! Интересные ребята, между прочим. И один из них как раз сейчас свободен.

Она сунула руку под мышку и достала оттуда смятый листок с фотографией пожилого мужчины и текстом на арабском. Николай взял листок и с сомнением посмотрел на фотографию.

— Это же, если не ошибаюсь, полицейская ориентировка?

— А тебе какая разница?! — возмутилась чертовка. — Вам что надо — шашечки или ехать?

— Ехать, — согласился Николай, — но если полиция примет нас вместе с этим типом…

— То, в худшем случае, вам придётся сутки провести в обезьяннике, — перебила его чертовка, — или сколько там осталось до того катаклизма, который вы должны предотвратить?

Николай недовольно поморщился.

— Не передёргивай! Мы просто хотим минимизировать риски.

— Не получится, — сказала чертовка, — ты пойми, другого выхода у вас всё равно нет. Как раньше никогда не было, так и сейчас нет.

8

Бишай оказался смуглым худощавым мужчиной ростом чуть выше Эмили. Николай принял бы его за араба, если бы не татуировка с коптским крестом на запястье. Он подошёл к столику в кафе «El Saltana», за которым сидели друзья, представился и слегка приподнял шляпу.

— Приветствую вас в Уасете!

Николай удивлённо посмотрел на чертовку.

— Луксор — арабское название, — пояснила та, — а Бишай чистокровный копт. Для него это всё ещё Уасет — город жезла, столица четвёртого нома Верхнего Египта.

— До сих пор? — удивился Николай. — Копты что, все такие?

— Не все, конечно. Это Бишай немного двинут на древней истории. Но вам ведь и нужен именно такой проводник, от нормальных толку не будет.

Бишай, отошедший к соседнему столику за свободным стулом, вернулся и подсел к друзьям.

— Ты знаешь, как найти вход в Дуат? — спросил Николай.

— Возможно, — ответил Бишай.

— В смысле?

— Здесь неподалёку есть одна усыпальница. Обычное захоронение чиновника средней руки; ничего особо ценного мы там не нашли. Но от неё идёт проход вниз, по которому никто из нас не решился спуститься.

— Почему? — спросил Николай.

— Оттуда раздаются странные звуки… От них кровь стынет в жилах. Их не описать, это надо услышать самому.

Николай слегка наклонился вперёд, вглядываясь в проводника.

— И что ты хочешь получить за то, что отведёшь нас к этому проходу?

— Информацию, — коротко ответил Бишай.

— Какую?

— Самую простую. Вернётесь вы оттуда живыми или останетесь там навсегда. Во втором случае мы запечатаем усыпальницу и больше не приблизимся к ней. В первом, возможно, мы и сами захотим повторить ваш путь.

— Мы можем выйти наружу в другом месте, — предупредил Николай.

— Я буду ждать вас в этом кафе, — ответил Бишай, — ваша подруга сказала, что у вас остались лишь сутки; так что в любом случае скоро я получу ответ на свой вопрос.

— Даже меньше, — сказала Кузя, — поэтому я предлагаю заканчивать с разговорами и ехать прямо сейчас.

Друзья вышли на шумную на улицу. У дверей кафе стоял потрёпанный микроавтобус; поверх облупившейся краски сверкала реклама экскурсий по историческим местам.

— То, что надо, — сказал Николай, — в Луксоре такая машина не будет привлекать внимание.

— На это и рассчитано, — согласился Бишай.

9

Движение по дороге к музейному комплексу было оживлённым. Макар заметил на обочине рекламный щит и спросил:

— Мы едем в Долину Царей?

— Нет, — ответил Бишай, не оборачиваясь, — и даже не в Долину Цариц. Это закрытые храмовые комплексы с билетами, постоянной охраной и видеонаблюдением; там нам делать нечего.

— Тогда куда?

— Усыпальница, о которой я говорил, находится в километре за Храмом миллионов лет Маат-Ра.

— Каким храмом? — не поняла Эмили.

— Заупокойным храмом Рамсеса второго, — пояснила чертовка, — сейчас его называют Рамессеум, но Бишай не любит современных названий.

Вскоре микроавтобус миновал Долину Царей с пёстрой толпой туристов у билетных касс и множеством машин на парковке. Проехав дальше, Бишай остановился у Рамессеума. Здесь не было ни касс, ни торговых автоматов, ни припаркованных машин. Людей тоже не было; все желающие приобщиться к древним тайнам предпочитали Долину Царей с благоустроенными переходами, проведенным освещением и неумолкающими экскурсоводами. А храм Рамзеса второго — лишь голые камни посреди пустыни.

— Машину оставим тут, — сказал Бишай, — дальше пойдём пешком.

Друзья прошли мимо древних колонн и остатков стены храма. Макар остановился у изображения фараона, стоящего на боевой колеснице. Фараон натягивал огромный лук, собираясь поразить врага.

— А я этого мужика уже видел! — воскликнул Макар. — На плакате у дороги.

— Это Рамсес второй, — сказала чертовка, — в великой битве при Кадеше.

— Он тогда всех победил? — спросил Макар.

— На рисунках — разгромил всех в пух и прах. Как сегодня зумеры побеждают всех в интернете. А в реале, насколько помню, хетты в той битве здорово потрепали египтян. В итоге все остались при своих — к большой радости Рамсеса. Но история — девушка меркантильная; кто художников и резчиков ужинает, тот её и танцует.

— Сколько же тебе лет? — хотел спросить Макар, но вовремя удержался.

Бестия не любила, когда ей напоминали о её возрасте.

10

От Рамессеума Бишай повёл команду по навигатору; у отмеченной точки пришлось немного покружиться, чтобы найти замаскированный вход в усыпальницу. Спустившись по каменным ступеням, друзья огляделись. В лучах фонарей полустёртые рисунки и иероглифы с трудом различались; они совсем не походили на яркие картинки в туристических буклетах.

— Как-то не впечатляет, — сказал Макар.

Бишай пожал плечами.

— Так не фараон же. Обычный чиновник, тогдашний средний класс.

Чертовка подошла поближе к стене.

— Это усыпальница Мериры, — прочитала она, — он был писцом, художником и магом. Делопроизводителем, чтоб вам было понятнее.

— А что там написано? — спросила Эмили.

Чертовка отошла на шаг и затянула нараспев:

— «Говорить слова: Атум, это твой сын, это Осирис. Ты дал ему жить да поживать: если он жив, жив сей Мерира; если он не мёртв, не мёртв сей Мерира; если он не погибает, не погибает Мерира; если он не совокупляется, не совокупляется сей Мерира; если он совокупляется, совокупляется сей Мерира…»[7]

— Молодцы, египтяне! — восхитился Макар. — Их посмертие обещает не только вечную жизнь,[8] но и вечное совокупление!

Чертовка сочувственно потрепала его по плечу.

---

[7] Тексты пирамид.

[8] «Считалось, что, так как он [Осирис] сумел победить смерть, его судьбу смогут повторить и праведники». У.Бадж «Царство мертвых: обряды и культы древних египтян».

— Похоже, промахнулся ты со своим пастафарианством — твой Летающий Макаронный Монстр вечного секса не обещает.

— Прекратите! — попросила Кузя. — Макар, прояви уважение к древней культуре! Ты хоть знаешь, сколько лет египетской цивилизации?

— Три тысячи? — предположил Макар. — Четыре?

— Пять, — ответила Кузя, — первая династия, объединившая Верхний и Нижний Египет, была основана Нармером за три тысячи лет до нашей эры.

— Пять тысяч лет, — повторил Макар, — или тринадцать бактунов. И пять дней сверх года… Где-то я уже слышал что-то подобное.

Бишай, до этого стоявший в тени, выступил вперёд.

— Восхищаюсь вашей учёностью. Но кажется мне, что за этими разговорами вы просто тянете время, не решаясь шагнуть в неизвестное.

11

Друзья подошли к тёмному проёму в углу усыпальницы. Каменные ступени вели в кромешную тьму; свет фонарей метался по грубо обтёсанным плитам стен, не достигая дна. Пройти в узкий проход можно было только по одному; Николай шагнул в него первым.

Монотонный спуск погружал в транс, в котором терялось ощущение времени. Наконец ступени закончились, и друзья очутились на небольшой каменной площадке. Звуки, которые в усыпальнице казалось невнятным шумом на грани восприятия, здесь превратились в явственные крики и хрипы. Бишай не преувеличивал — от них действительно кровь стыла в жилах. Эмили невольно поёжилась.

— Мы пойдём путём Книги Мёртвых? — спросила она.

— Нет, — ответила чертовка, — Полкан там не пройдёт, а потерять его мы не можем.

— Он будет взвешен и признан легковесным? — спросил Шаман.

— Наоборот. На весах правосудия сердце, отягощённое грехами, перевесит перо Маат и будет сожрано трёхликой Аммит.

— Но он же всё делал правильно! — горячо возразила Кузя.

— Не надо, — попросил её Николай, — не начинай. Мы же сто раз об этом говорили. Я убивал людей, убивал безоружных. Я проклят, и это уже не изменить.

— Но ты же спасал город! — не сдавалась Кузя. — И, если бы существовала возможность вернуться назад, ты вновь сделал бы то же самое![9]

— Да, — согласился Николай, — я поступил правильно, и я вновь сделал бы то же самое. Но это ничего не меняет. Я проклят.

Эмили бросила быстрый взгляд на Макара и у неё перехватило дыхание. Лицо друга жалко сморщилось; казалось, он готов сорваться.

— Что с тобой? — спросила Эмили.

— Я тоже не пройду этим путём, — ответил Макар.

— Потому что помогал Полкану?

— И это, наверное, тоже; но это не главное. Всё гораздо хуже. Тогда, в Одессе, мы смотрели в прямом эфире, как съёмочная группа ходит по Дому Профсоюзов и снимает обгоревшие тела…

Эмили подошла ближе, взяла ладонь Макара двумя руками и сжала.

— Я тоже видела этот сюжет…

— И ты, конечно, помнишь, что чувствовала при этом — весь этот ужас, горечь, сострадание… Я чувствовал то же самое, может быть, даже сильнее. Но где-то в глубине у меня проступило и другое, едва заметное. Какое-то неуместное облегчение — как будто тяжесть свалилась с плеч и развеялись самые гнетущие предчувствия. Вот и всё, думал я, ужасная жертва принесена, и она не будет напрасной. Теперь-то весь мир увидит, кто рвётся к власти в Киеве и к чему они хотят привести страну. Все всё поймут, и этот кошмар, наконец, закончится. И что? Мир увидел — и сделал вид, что ничего не заметил. А Украину захлестнул поток шуточек про майские шашлычки и копчёных колорадов. Но и на этот шабаш не обратили внимания. Мир принял как должное и жуткую казнь, и то будущее, дверь в которое она открыла. Никто не ужаснулся; всё бросились строить бизнес-планы и подсчитывать будущие дивиденды. Жертва оказалась напрасной.

Макар сглотнул и продолжил:

— Я никогда не смогу простить себе это неуместное облегчение. Я не жду, что кто-то меня простит, я не хочу, чтобы кто-то меня прощал. И сам никого не прощу. Это выжжено уже намертво.

— Что и требовалось доказать, — сказала чертовка, — значит, мы пойдём другим путём.

---

[9] Эта история описана в первой книге цикла «Хтонь».

12

Шаман, привыкший ходить дорогами мёртвых, удивлённо посмотрел на неё.

— А здесь есть и другой путь?

— Да, — ответила чертовка, — ночной солнечный путь. Днём солнце проплывает по небу с востока на запад, а ночью возвращается обратно по подземной реке — с запада на восток.

— Как Кинич Ахау у индейцев киче? — спросила Эмили. — Их солнце, опустившись под землю на западе, становится богом-ягуаром и в этом обличье проходит через всю Шибальбу.[10]

— Примерно, — ответила чертовка, — но немного сложнее. Свой дневной путь по небу солнечный бог совершает в ладье Атет. Причём восхождение он начинает скарабеем Хепри, в полдень превращается в могучего Ра, а к вечеру становится усталым Атумом с головой овна. Завершив небесный путь, солнечный бог спускается в Дуат, чтобы в ладье Сектет доплыть по Ночной Реке до восточного края Земли и утром вновь взойти на небо юным скарабеем.

— Как я понимаю, ночной путь сложней и опасней дневного? — спросил Николай.

— Правильно понимаешь, — кивнула чертовка, — а когда было иначе?

Кузя с сомнением оглядела площадку, на которой они оказались.

— Что-то я не вижу здесь никакого пути

— Потому что мы ещё не в Дуате, — ответила чертовка, — это арерит, прихожая Преисподней. Нам надо спуститься вниз, к Реке Ночи.

Николай обвёл площадку лучом фонаря и заметил тропу, ведущую в глубину.

— Надо идти, — сказал он, — если вычислители Инферно не ошиблись в расчётах, у нас осталось чуть больше двенадцати часов.

Он шагнул на тропу, остальные последовали за ним. Постепенно спуск становился всё более пологим, и наконец привёл путников на каменистую равнину. Они прошли между двумя штандартами — с головой шакала и головой барана, и оказались на берегу тёмной реки.

— Это были Врата? — спросила Кузя. — Их же никто не охраняет?

---

[10] Эта история описана в шестой книге цикла «Хтонь».

— Не торопись, — ответила чертовка, — будут тебе и Врата, и Стражи. Считать устанешь. А сейчас нам надо найти ладью, чтобы плыть ночным солнечным путём.

Лодка нашлась в тростнике у самого берега. Шаман удивлённо посмотрел на чертовку.

— Она что, каменная?!

— Это камуфляж, — успокоила его чертовка, — она из кедра, просто снаружи её обмазали глиной.

— Но зачем?!

— Военная хитрость. Был такой эпизод в долгой истории борьбы Гора с Сетом за власть над миром. Сет вырубил ладью из горной вершины — и та ладья до сих пор лежит где-то на дне Нила. А Гор сделал эту — и в очередной раз победил.

— Понятно, — сказал Макар, — братские разборки, сиблинговое соперничество.

— И опять — пальцем в небо, — возразила чертовка, — брат Сета — Гор-ур, старший Гор. А бился с Сетом Гор-са-Исет-са-Усир — Гор, сын Исиды, сын Осириса. Но это дела минувших дней; а у нас хватает забот здесь и сейчас.

13

В просторной ладье хватило места для всех. Шаман сел за рулевое весло, Николай и Макар расположились на носу лодки с гарпунами. Течение подземной реки было довольно сильным, и Шаману приходилось лишь выравнивать лодку. Макар опустил руку в воду и растопырил пальцы, наслаждаясь речной прохладой. Чертовка укоризненно посмотрела на него.

— Ехал грека через реку… Лучше вынь, а то одним пальцем не отделаешься.

Макар поспешно отдёрнул руку и вгляделся в тёмную воду. В глубине, куда едва проникал взгляд, плавно скользила чья-то тень.

— Кто это?

— Большая тигровая рыба, она же гигантский гидроцин. Зубы, между прочим, как у большой белой акулы. Жрёт всё, что плавает, ползает, ходит и летает. Инфантильными айтишниками тоже не брезгует.

Николай перегнулся через борт и посмотрел вниз.

— Я бы здесь порыбачил, — сказал он, — люблю это дело…

— Порыбачишь ещё, — успокоила его чертовка, — всему своё время.

Ладья стремительно неслась вперёд, и вскоре друзья увидели стену, перегораживающую реку. Шаман заработал веслом, выруливая на середину, к запертым решётчатым воротам.

— Это и есть Врата в Дуат? — спросила Кузя.

— Мы давно уже в Дуате, — ответила чертовка, — точнее, в землях Нет-Ра, в номе часа Ушемет хату хефти Ра, первого часа ночи. А это дверь в ном второго часа.

— У этих Врат есть страж?

— У всех Врат есть страж, — ответила чертовка.

И как бы в подтверждение её слов из воды поднялась голова гигантского змея.

— Знакомьтесь, — сказала чертовка, — это Са-сет, собственной персоной. Змей, как вы могли догадаться. Выглядит страшно, но опасности не представляет — слишком труслив. Напугайте его хорошенько, и он отступит.

Николай и Макар вскочили на ноги, замахали гарпунами и завопили во всё горло. Са-сет подождал немного, как бы раздумывая — нападать или нет, но связываться с вооружёнными людьми так и не решился. Отплыл в сторону и скрылся под водой — так же бесшумно, как и появился. Ладья ткнулась носом в решётчатые ворота.

— Открывайте! — крикнула чертовка.

— Таможня даёт добро! — добавил Макар.

По стене забегали павианы, толкаясь и мешая друг другу. Наконец бронзовые засовы были сдвинуты и ворота распахнулись. Ладья плавно скользнула в ном второго часа ночи.

— Вы настоящие дикари! — восхищенно сказала чертовка. — Орать, кстати, было необязательно, этому змею достаточно показать гарпуны.

— Весьма своевременное замечание, — недовольно буркнул Макар и отвернулся.

Но долго молчать он не умел, и вскоре заговорил вновь.

— Слушай, Беся, а тебе не кажется, что это была подстава? Вроде и Врата, и Страж — а прошли, как по маслу. Какая-то подозрительная легкотня.

— Не спеши геройствовать, — ответила чертовка, — всё только начинается.

14

Слова Бестии насторожили всех.

— Так, — сказал Николай, — с этого места давай подробнее. Сколько ещё номов у нас впереди?

— Одиннадцать,[11] — ответила чертовка, — пока мы добрались лишь до земель Ур-нес, до нома часа Шесат макет неб-эс, второго часа ночи. Так что времени у нас в обрез, тормозить нельзя.

— Но ты ведь не хочешь сказать, что наша цель — просто уложиться в срок? В этом же нет никакого смысла!

— Разумеется, — согласилась чертовка, — у вас другая задача. Вам надо догнать ладью Сектет, помочь Ра пройти через все Врата, одолеть всех врагов и утром вновь взойти на востоке. Возможно, это единственный способ преодолеть грядущий инфокризис.

— То есть, впереди будут и другие Врата? — спросил Николай.

— Все номы разделены Вратами, — ответила чертовка, — и могу успокоить Макара — чем глубже ночь, тем труднее будет проход.

— А почему мы узнаём об этом только сейчас? — возмутилась Кузя. — Почему ты раскрываешь свои планы только тогда, когда пути назад уже нет? Боишься, что иначе мы не пошли бы с тобой?

— Бесю можно понять, — вступилась за подругу Эмили, — идея помочь солнечному богу — безумная авантюра. Но разве план сокрушить владык Шибальбы[12] был менее безумен? Это же Бестия, с ней по-другому не бывает. Мы пошли за ней тогда, и сейчас бы, конечно, пошли; но, возможно, потеряли бы драгоценное время в ненужных спорах.

Николай внимательно посмотрел на чертовку.

— Ты сама-то уверена, что твой план сработает?

— А разве тут можно быть в чём-то уверенным? — ответила та вопросом на вопрос. — Я просто прикинула, что скорее всего грядущий

---

[11] «Согласно Книге врат, Дуат представляет собой длинную узкую долину с песчаными склонами, разделенную на две равные части рекой, по которой плывет ладья солнца. Она состоит из двенадцати номов или частей, количество которых соответствует числу часов ночи». У.Бадж «Боги египтян».

[12] Эта история описана в шестой книге цикла «Хтонь».

инфокризис как-то связан с солнечной активностью. И если здесь ещё можно что-то исправить, то Дуат — самое подходящее для этого место.

— А если это всё-таки гигантский астероид, внезапно появившийся из ниоткуда? — спросил Макар. — Или что-то вроде того?

— Тогда вы сможете лишь пассивно принять гибель вашего мира, — ответила чертовка, — есть множество вариантов инфокризиса, на которые вы не способны повлиять. Сейчас Дуат — единственное место, где от вас ещё что-то зависит. Если, конечно, вы будете действовать, а не рассуждать о невозможном.

15

Течение несло ладью вперёд, и вскоре из тумана выступили четыре фигуры, неподвижно стоящие на берегах Ночной Реки. Длинные локоны свободно спадали на обнажённые плечи гигантов. В руках у каждого был скипетр, навершие которого терялось где-то в облаках.

— Кто это? — спросила Эмили.

— Сыновья Гора, — ответила чертовка, — Месет, Хапи, Дуамутеф и Кебехсеннуф. Они здесь в роли Атлантов, держат своды Дуата.

— Разве эту крышу надо поддерживать? — удивился Макар. — А если кто-то из этих Атлантов ослабнет — что будет? Срединный мир обрушится в Преисподнюю?[13]

— Все вопросы к Птаху, — отмахнулась чертовка, — он архитектор этой Вселенной. Он вылепил Мировое яйцо на гончарном круге, он выковал все своды и все опоры, он покрыл небо хрусталём. И с начала времён — ни одного ремонта. Если египтяне желали подчеркнуть надёжность какой-то конструкции, они говорили, что её «утвердили прочно, как повелел Птах-небанх, проходящий сквозь вечность».

— Ты хочешь сказать, что Птах сотворил этот мир? — спросила Эмили.

— Тут всё сложно, — ответила чертовка, — мир замыслил Атум — в сердце и словах. А Птах воплотил этот божественный замысел в материи.

Кузя посмотрела на неё с подозрением.

---

[13] Макар вспомнил песню «Атланты» А. Городницкого:
«Их тяжкая работа
Важней иных работ.
Из них ослабнет кто-то —
И небо упадёт».

— Я, кажется, догадалась, почему ты решила плыть вместе с нами, хотя прежде всячески избегала появляться в региональных локациях Преисподней.

— Ты права, — согласилась чертовка, — в этих местах слишком многое завязано на именах. Без знания имён богов и хранителей вы не откроете ни одни Врата, а выучить все их имена за день нереально. Да и не было у вас на это лишнего дня.

Ответить Кузя не успела. Впереди по курсу показалась новая стена, перегораживающая реку.

— Сепдет-ууауу сетет-сен-Ра, — сказала чертовка, — Врата в ном часа Денет-Бау, третьего часа ночи.

Река в этом месте стала уже; течение ускорилось, и расстояние до стены быстро сокращалось. Из-под воды показалась голова огромного водяного змея.

— Акеби, — представила чертовка очередного Стража, — готовьтесь, этот будет посерьёзнее. Его ваши вопли не напугают.

Николай и Макар встали рядом, сжимая в руках гарпуны. Голова Акеби медленно поднялась над водой, покачиваясь из стороны в сторону. И вдруг его тело обрушилось вниз, угловатая голова рванулась к ладье и ударила Макара в грудь. Макар отлетел на корму, ударившись головой о кедровую скамью; Эмили бросилась к нему.

Николай успел уклониться от страшного удара. Он упал на дно лодки и, не глядя, ткнул гарпуном куда-то вверх. Острое лезвие вошло в шею змея, а дальше уже сработала инерция. Разрез получился неглубоким, но длинным; этого хватило, чтобы Акеби потерял интерес к незваным гостям. Он изогнулся, блеснул зелёной чешуёй и ушёл на глубину залечивать рану.

Врата третьего нома распахнулись. Николай ожидал, что за ними откроется речной простор — как за Вратами второго нома. Но эта стена была устроена иначе. Врата вели в узкий коридор, стены которого ощетинились наконечниками копий.

— Держись по центру! — крикнула чертовка Шаману.

Но он и сам уже прекрасно видел новую опасность. Шаман выровнял лодку и аккуратно повёл её по середине смертоносного прохода. Вскоре коридор свернул направо; Шаман оттолкнулся веслом от стены, и ладья тут же отклонилась от срединного пути.

— Ложись! — крикнула чертовка.

Повторять приказ не пришлось, все мгновенно упали на дно лодки. Над ними тут же замелькали огненные сгустки. Судя по звукам, часть из них ударялась в борта; хорошо, что глина надёжно защищала дерево. Огненный обстрел продолжался не больше минуты, но друзьям она показалась вечностью. Наконец ладья вышла на открытую воду и можно было снова осмотреться.

— Что это было? — спросила Эмили.

— Уреи, — ответила чертовка, — кобры, плюющиеся огнём.

— Знакомое слово, — сказала Эмили, — это они украшали короны фараонов?

— Верно, — кивнула чертовка, — такого урея вы могли видеть на па-схемти,[14] красно-белой короне фараонов объединённого Египта.

16

Макар не удержался и негромко фыркнул.

— Кобру — на голову? Месьё знали толк в извращениях!

— Не суди о том, чего не понимаешь! — оборвала его чертовка. — Эта традиция уходит корнями в глубокую древность. Однажды великий Ра захотел узнать, что творится в Ливии. Он вынул своё Око и послал его на разведку. Око Ра долго скиталось по чужим странам, а когда вернулось, обнаружило, что Ра уже успел отрастить себе новый глаз. Око сочло это изменой и страшно разгневалось. Ра пытался его успокоить, предлагал разместить его у себя на лбу, обещал, что третий глаз будет видеть мир лучше двух обычных — но ничего не помогало. Око Ра пришло в бешенство, превратилось в кобру и попыталось укусить бога. Но Ра успел схватить змею и обмотать её вокруг своей головы. С тех пор урей украшает корону владык объединённого Египта.

— Красиво жить не запретишь! — сказал Макар. — Хотя я бы на свою голову кобру не посадил.

Чертовка оскалилась, собираясь ответить, но Эмили перехватила инициативу, гася едва не разгоревшийся конфликт.

— Разве часть может восстать против целого? — спросила она.

— Эта может, — ответила чертовка, — у солнечного бога всегда были сложные отношения со своим Оком. Они часто ссорились; однажды ссора зашла так далеко, что Око покинуло своего хозяина и скрылось в Нубии. Ра

---

[14] Па-схемти — соединение красной короны Нижнего Египта (дешрет) и белой короны Верхнего Египта (хеджет).

послал Тота вернуть беглянку.[15] Бог нашёл Око, но не осмелился подойти к нему. Он принял облик павиана, надеясь остаться неузнанным. Тщетно! Око узнало Тота, обернулось львицей и готово было его разорвать. Но хитроумный бог, подобно Шахерезаде, начал рассказывать сказки и притчи. Он быстро заболтал беглянку и уговорил её вернуться в Египет.

Макар положил гарпун и внимательно посмотрел на Бестию.

— А по мне так эта история совсем не похожа на сказки о Шахерезаде. Мне она напоминает поведение одной мелкой чертовки, которая вместо внятных объяснений к месту и не к месту вспоминает предания запредельной старины.

— Не хочешь — не слушай! — сказала чертовка и обиженно отвернулась.

— Мы сейчас в номе третьего часа ночи? — спросила Кузя.

— Да, это Нет-неб-уа-хеперет-ауту, ном часа Денет-бау. Земля богов Сокрытых душ, которыми правит неумолимый Хетери. Но со мной вам здесь ничего не грозит; знающий имена Сокрытых душ пройдёт невредимым мимо них, когда они рычат, и не упадёт в их котлы. Так что пока можете расслабиться.

— Расслабишься тут, — недовольно проворчал Макар, — нашла место для оттяга. Блэк-джека только не хватает со…

Он поёжился под сердитым взглядом Эмили и быстро поправился:

— С холодным пивом. Кстати, как в этом мире с пивом?

— Потребляют и почитают, — ответила чертовка, — в этой локации пиво однажды спасло человечество от гибели.

— Не удивлён, — сказал Макар, — по утрам оно меня тоже часто спасает.

— Тебя — в переносном смысле, — возразила чертовка, — а жителей Та-Кемет[16] оно спасло в самом прямом. Это случилось в те далёкие времена, когда Ра ещё сидел на троне Верхнего и Нижнего Египта. Люди попытались свергнуть его власть, и Ра послал свою дочь Хаткор покарать бунтовщиков. Хаткор быстро выполнила задание и вернулась к отцу. Но её место заняла Сехмет, богиня с головой львицы. Она стала убивать всех подряд и не могла остановиться; лишь усталость свалила её на землю. Пока Сехмет спала, Ра приказал привезти из Элефантины красной охры, растолочь её и смешать с

[15] В древнем Египте Око считали женским божеством.
[16] «Чёрная земля», древнее название Египта.

пивом. А затем разлить алый напиток вокруг спящей Сехмет. Семь тысяч кувшинов лучшего пива вылили на землю жрецы Иуну Мехет.[17] Проснувшись, богиня приняла его за кровь и стала жадно пить. Вскоре пиво сделало своё дело — гнев Сехмет сменился блаженной отрешённостью. Люди были спасены. Тогда Ра сказал богине: «Будут приготовлены для тебя сосуды с питьём, которое будет клонить тебя ко сну в каждый праздник Нового года».

— Верю! — воскликнул Макар. — Вот в это — верю сразу и навсегда! Мы ещё в школе пели: «Если б было море пива — я б дельфином стал красивым».[18] Обещаю — если… когда мы вернёмся, непременно воздадим должное этому волшебному напитку.

17

Врата Небет-эс-джефау охранял змей Джедби, лежащий на стене. Заметив приближающуюся ладью, он свесил голову и раскрыл пасть, полную острых зубов. Но, получив удар гарпуном в нёбо, отпрянул и затаился наверху. Чертовка назвала имя привратника, и Врата распахнулись. За ними друзей ждали уже знакомые лезвия копий и плюющиеся огнём уреи. Шаман легко миновал опасный проход; в этот раз испытание показалось Макару простым, даже каким-то будничным.

— А ты говорила, что чем глубже в ночь, тем ужаснее будет ном, — сказал он чертовке.

— Типун тебе на язык! — ответила та. — Не знала бы, что будет дальше — решила бы, что ты нас сглазил. Впрочем, ложечки-то найдутся, но осадок останется!

— Я могу понять, почему уреи стали украшать короны, — вмешалась Эмили, желая перевести разговор на безопасную тему, — но почему они плюются огнём?

— Это тоже старая традиция, — ответила чертовка, — в начале времён Египтом правили боги — первым Ра, вторым Шу, третьим Геб, четвёртым Осирис, пятым Сет, шестым Гор, седьмым Тот и восьмой Маат; после неё власть перешла к смертным фараонам. Однажды Геб, третий правитель Египта, прибыл в город Иат-Небес в дельте Нила. Там ему рассказали о великой победе Шу над детьми Апопа. Описали и корону бога, увенчанную живым уреем. Отрёкшись от престола и передав царство сыну, Шу оставил этого урея в ларце в городе Пи-Ярет. Геб пустился на поиски, нашёл ларец и открыл его. Освобождённая кобра тут же поднялась и дохнула пламенем в

---

[17] Иуну Мехет (Северный Иуну) более известен как Гелиополь.
[18] «Мечта» — песня группы «Дюна».

лицо бога. Вся свита Геба погибла на месте. Сам же он получил тяжёлые ожоги, излечить которые удалось лишь с помощью чудодейственного парика Ра.

Чертовка закончила рассказ и посмотрела на друзей.

— Ещё вопросы есть?

— Где мы сейчас? — спросила Кузя.

— Мы приплыли в ном часа Сехемус, четвёртого часа ночи.

Кузя тревожно огляделась.

— Как-то здесь пусто, как будто боги давно покинули это место.

— Так и есть, — ответила чертовка, — сейчас здесь живут в основном змеи. Зато в большом количестве.

— Но они же не нападут на нас? — спросила Кузя.

— Обязательно нападут, но чуть позже. Обычно они атакуют путников в проходе Ре-сетау.

В эту секунду лодка проскрежетала дном по песку и остановилась.

— Вот примерно здесь, — сказала чертовка, — мужчины, что застыли? Вылезайте, поработаете бурлаками.

Николай, Шаман и Макар оказались в воде почти одновременно. Чертовка подала им верёвку, закреплённую в носовой проушине, и они волоком потащили лодку вперёд. Женщины с гарпунами шли рядом, отгоняя приближающихся змей.

Через двадцать минут ладья вышла на глубокую воду и мужчины смогли наконец выдохнуть.

— Так себе змеи были, — сказал Макар, — мелюзга, даже до Стражей не дотягивают.

— Верно, — согласилась чертовка, — с чего им быть большими, это же детёныши. А сейчас увидите родителей.

Николай поднял гарпун и огляделся. С берегов Ночной Реки к воде сползались гигантские рептилии. Первый змей выделялся только размерами, в остальном он не отличался от Стражей, к которым друзья уже успели привыкнуть. Зато у второго было три головы и четыре ноги; прочие тоже казались порождениями ночных кошмаров. Был среди них змей с двумя головами на одном конце и одной головой на другом; был трёхглавый крылатый змей на четырёх ногах.

Последним выполз на берег гигантский скорпион. Он рывком выгнул хвост и приготовился к атаке. Ночная Река продолжала сужаться, и избежать битвы не было никакой возможности. Впрочем, вряд ли это можно будет назвать битвой — против инфернальных монстров у людей не было шансов.

Николай приготовился к худшему, но в последний момент чертовка отодвинула его и встала на носу лодки. Она воздела вверх мохнатые лапы и заговорила громким речитативом:

— Славься, о Имехет, мы пришли, чтобы увидеть богов, живущих в тебе! Хедж-нау и Хекенет, Имен и Менмену, Нехеб-кау и великий скорпион Анхет! Откройте свои лики, когда встречаете нас, ибо вот мы пришли. Пусть Сехер-Ид не обретет власть над нами, путь божественные убийцы не придут за нами, пусть смертоносные демоны не придут за нами!

Услышав свои имена, монстры застыли на месте, и ладья проскочила между ними. Николай отбил атаку змея Тека-хер, охраняющего Врата Ирит, Шаман направил лодку в открывшийся проход, и друзья оказались в номе часа Семит-хер-ибет-уиа-эс, пятого часа ночи.

18

Снимать и отжимать мокрую одежду никто не решился, слишком напряжённым становилось путешествие. Не выпуская гарпун из правой руки, Макар левой неловко вылил за борт воду из кроссовок.

— Хорошо, что этот Горыныч остался позади. А то я сегодня, как назло, без меча-кладенца.

— Не расслабляйся, — осадила его чертовка, — эти милые рептилии заходят в ном четвёртого часа, чтобы поохотиться; но их столица здесь, в доме Имента.

Эмили тревожно огляделась по сторонам.

— Где это?

— Да вот же!

Чертовка протянула вперёд мохнатую лапу. Из тумана медленно выплыл остров, рассекающий Ночную Реку на два рукава. Над песчаным холмом возвышалась высеченная из камня голова женщины, увенчанная короной в виде скарабея.

— Это сокрытая земля Сокара, — сказала чертовка, — Шаман, будь готов повернуть.

Ладья приблизилась к острову, и друзья смогли рассмотреть двух львов с человеческими головами, лежащих на берегу.

— Сфинксы! — воскликнул Макар. — Самые обычные сфинксы! Вот уж не думал, что в этом бестиарии встречу что-то столь привычное!

И тут же осёкся, заметив двухголового крылатого змея с человеческой головой на хвосте.

— Ну вот, теперь всё снова встало на места. Чем глубже в ночь, тем причудливей мутации.

Между крыльями змея стоял высокий человек с головой сокола; два змея охраняли его с двух сторон.

— А вот и сам бог Сокар, владыка этих мест, — сказала чертовка, — змей слева от него — Депин, справа — Анех-иапау. Если обогнём остров слева, Депин сорвётся с места и нападёт на нас. Анех-иапау свой пост никогда не покидает, но изрыгает огонь…

Не дослушав Бестию, Шаман налёг на весло, и ладья повернула направо.

— Ложись! — скомандовала чертовка.

Все упали на дно лодки и тут же над их головами пронеслась огненная волна, а за ней вторая. Ладья продолжала скользить по течению, но никто не решался выглянуть наружу и посмотреть, куда их занесло. Наконец чертовка приподняла кончик хвоста над бортом и удовлетворённо сказала:

— Всё, кажется, проскочили.

Эмили взглянула за борт и отпрянула — ладья плыла по реке сплошного огня.

— Не бойся, — успокоила её чертовка, — это всего лишь кажимость. Был бы там настоящий огонь, мы бы давно поджарились.

Макар вгляделся вдаль и спросил:

— А что там, впереди?

— Врата Небет-аха, — ответила чертовка.

— Сам вижу, что Врата, — отмахнулся Макар, — я не о том. Ты что, не видишь — они закрываются!

— Действительно, — сказала чертовка, — значит, всё идёт по плану. Мы догоняем ладью солнечного бога.

— И мы сможем его догнать? — спросила Кузя.

— Непременно! — ответила чертовка. — Ладья Ра не может плыть быстро — боги прорубают себе путь сквозь полчища злобных демонов. А мы идём за ними по уже зачищенному маршруту.

19

Пройдя сквозь Врата Небет-аха, ладья вошла в земли Месеперит-ират-маату, ном шестого часа ночи. Макар тревожно огляделся.

— На нас никто не нападает? Беся, в чём здесь подвох?

— Видишь то здание? — чертовка показала на странное сооружение, вырубленное в береговой скале. — Это дворец Осириса; нечисть боится к нему приближаться.

— Какой огромный! — восхитилась Эмили.

— В нём шестнадцать залов для шестнадцати богов, — сказала чертовка, — они охраняют бога Афу, вокруг которого кольцом свернулся пятиголовый змей Аша-хериу.

— А сам Осирис сейчас там? — спросила Эмили.

— Нет, он плывёт в ладье солнечного бога. В одиночку Ра не смог бы одолеть врагов на своём ночном пути; с ним плывут его соратники. Но, возможно, сегодня даже их сил не хватит, и им потребуется наша помощь. Мы здесь именно для этого.

— А с какой радости Осирис решил построить дворец в этой жопе мира? — спросил Макар. — Места получше не мог выбрать?

Чертовка посмотрела на него с удивлением.

— И чему вас только в школах учат? Раньше эту историю даже пятиклашки знали. Самообразование, конечно, вещь годная; но без базовых знаний оно подобно небоскрёбу, построенному на песке.

— Не отвлекайся, — попросил Макар, — так что там была за история?

— Ладно уж, — вздохнула чертовка, — просвещу дремучего. Слушай. Боги, рождённые небесной коровой Нут, образовали две божественные пары — Осирис взял в жёны Исиду, а Сет — Нефтиду. По праву старшинства Осирис занял трон Верхнего и Нижнего Египта; Сет втайне завидовал брату, но старался этого не показывать. Пока не случилось то, что твоя подруга назвала бы историей всесокрушающей любви. Нефтида разочаровалась в своём муже-абьюзере и полюбила Осириса. Она пришла к нему в образе Исиды и зачала от него сына — бога Анубиса с головой шакала. Сына Нефтида спрятала в тростниковых полях, но Исида нашла ребёнка и воспитала его. Сет и прежде недолюбливал брата, а после измены жены

совсем обезумел. Он велел сделать саркофаг, украшенный золотом и самоцветами, и подогнанный точно под рост Осириса. В семнадцатый день первого месяца разлива Нила он устроил великий пир, позвав на него брата. После трапезы Сет объявил, что подарит драгоценный саркофаг тому, кому он придётся точно впору.

— Хороший тамада, и конкурсы интересные! — перебил чертовку Макар. — Говорят, в древней Греции был такой же затейник, только вместо саркофага у него была кровать.

Эмили недовольно шикнула на друга, и тот заткнулся. Чертовка проигнорировала неуместное замечание.

— Что было дальше, нетрудно догадаться. Осирис лёг приготовленную для него ловушку; слуги Сета тут же закрыли саркофаг крышкой, прибили её гвоздями и залили расплавленным свинцом. А потом пошли на берег Нила и бросили саркофаг в воду. Течение принесло его к финикийскому городу Библу, где он запутался в зарослях древовидного вереска. Вереск быстро разросся, и вскоре саркофаг оказался внутри огромного ствола. Малькандр, царь Библа, увидев гигантское дерево, повелел сделать из него колонну для своего дворца.

— Замуровали, демоны! — не выдержал Макар.

20

Чертовка укоризненно посмотрела на него, но ничего не сказала. Макар виновато похлопал глазами и сделал красноречивый жест — как будто запирал рот на молнию.

— Не обращай на него внимания, — попросила Эмили.

Чертовка кивнула и продолжила рассказ.

— Узнав об убийстве мужа, Исида срезала прядь волос[19] и отправилась искать тело Осириса. Вскоре поиски привели её в Библ. Богиня пришла во дворец Малькандра под видом служанки, и царица Саосис сделала её кормилицей своего сына. Младенца Исида вскармливала, вкладывая ему в рот палец, а по ночам выжигала огнём его смертную оболочку. Но закончить обряд ей так и не удалось — царица увидела сына в огне, и с ней случилась истерика. Тогда Исида предстала перед царём в своём истинном виде, расщепила ствол вереска, упала на крышку саркофага и закричала. От её крика царский сын умер на месте, так и не успев обрести предназначенное ему бессмертие.

---

[19] Древнеегипетский траурный обычай.

У Макара на языке вертелся комментарий по поводу божественных даров, и ему стоило большого труда сдержать себя. Чертовка сделала вид, что ничего не заметила.

— Исида привезла саркофаг в Бут и спрятала его в зарослях тростника. Ночью Сет пошёл на охоту и наткнулся на него. Он разрубил тело брата на четырнадцать частей и разбросал их по свету; Исиде пришлось сесть в лодку из папируса и отправиться на поиски. Вместе с Анубисом богиня скиталась по всему Египту, пока не нашла все тринадцать частей любимого мужа. Анубис спеленал разрубленные части и забальзамировал их, Тот нанёс на лоб Осириса уаджет, знак ока Гора, а Исида провела первый обряд отверзания уст. После этого Осирис воскрес, но с тех пор он мог жить только в Дуате.

— Извини, — прервала чертовку Кузя, — кажется, началось.

Она указала на берег, на котором поднимали головы девять змей, изрыгающих пламя.

— Это свои, — успокоила её чертовка, — они должны бороться с врагами Ра, разрезая их тени.

— Хороший способ, — одобрила Кузя, — и знаешь, ты была права — это действительно безопасный ном.

— Следующий будет круче, — сказала чертовка, — если успеем пристроиться в хвост ладье Ра, пройдём ном без проблем. А если не успеем — придётся отбиваться самим.

— У водил это называется «езда за спонсором», — не удержался Макар, — в некоторых ситуациях это бесценно.

— Вот сейчас как раз такая ситуация, — сказала чертовка.

21

Врата в ном седьмого часа ночи охранял змей Ахен-маати. Отбив его атаку, друзья миновали узкий проход и вышли на открытую воду в области Хесеф-хиахесек-Неха-хер. Сильное течение пронесло их мимо города Тепехет-шетат, но как только городские постройки остались позади, Ночная Река вновь начала расширяться.

— Вижу их! — закричал Макар.

С каждой минутой ладья Сектет становилась всё ближе, и вскоре можно было различить фигуры девяти богов, плывущих на ней. В центре ладьи неподвижно стоял Ра, бог с головой сокола и телом человека. Птичья голова была увенчана золотым солнечным диском, который обвивала змея

ахет. В правой руке Ра держал скипетр, в левой крест анх, знак жизни. С пояса его туники свисало что-то, напоминающее хвост.

Змей Мехен, охраняющий солнечного бога, обвивался вокруг него несколькими кольцами. Рядом с Ра стоял Осирис в сверкающей короне атеф и Исида в рогатом шлеме; за ними — Анубис, Хаткор и Сехмет. Курс прокладывали Тот и Маат, стоящие на носу лодки; на руле сидел Гор. Вода перед ладьёй бурлила, но что там происходило, было не разобрать.

— Это Апоп? — спросила Кузя.

— Это Неха-хер, — ответила чертовка, — не самый мелкий змей, но до Апопа ему далеко. На этом мелководье он поджидает усталых путников и нападает на них; а дальше — как повезёт. Сейчас с ним бьются боги Серкет и Хер-десу-эф… А, нет, уже не бьются. Уже закончили.

Боги опустили копья и встали с двух сторон от ладьи, прочно севшей на мель. Исида встала на носу лодки, воздела руки к облакам и начала громко выкрикивать слова заклинания. Песок под днищем заскрипел, и ладья солнечного бога медленно сдвинулась с места.

— Что за непруха! — скривился Макар. — Ведь почти догнали!

Он подался вперёд и чуть не упал в воду, в последний момент успев уцепиться за высокий борт. Лодка села на мель, когда до цели оставалось всего несколько десятков метров.

— Чего ждём? — обратилась чертовка к мужчинам. — Я здешних заклинаний не знаю. Вылезайте, потащите нас волоком.

— А как же Неха-хер? — спросила Эмили.

— Надеюсь, Серкет и Хер-десу-эф его обезвредили, — ответила чертовка, — на какое-то время. Но если вы будете сопли жевать…

Проверять слова Бестии никто не захотел. Мужчины спрыгнули на песчаное дно и потащили лодку волоком. Вскоре они увидели Неха-хера, пригвождённого ко дну шестью ножами. Змей бился, напрягая тугое тело в судорожных попытках освободиться. Казалось, ему вот-вот это удастся.

— Что его держит? — спросил Макар. — Там же сплошной песок?

— А ты остановись и у него спроси, — посоветовала чертовка, — и заодно узнай, что кушает за обедом змей Неха-хер.

Макар не ответил. Мужчины с новой силой рванули вперёд, и вскоре лодка вновь вышла на глубокую воду. К сожалению, к этому времени ладья солнечного бога успела уйти далеко; фигуры на ней было уже не различить.

Заметив на берегу огромного крокодила, Шаман резко рванул рулевое весло. Чертовка, не ожидавшая этого, чуть не вылетела за борт.

— Какого архангела ты творишь?! — закричала она. — Вернись в фарватер, пока не посадил нас на мель!

— Но крокодил… — начал было Шаман.

— Абу-ша-им-Дуат спит, как младенец, — перебила его чертовка, — Ра зачаровал его, когда проплывал мимо. Пользуйся преимуществами «езды за спонсором».

22

В какой-то момент Николаю показалось, что они догоняют ладью Ра, зачем-то задержавшуюся перед очередной стеной. Но и в этот раз им не хватило всего нескольких минут; их лодка достигла Врат Бехехи, когда солнечный бог уже плыл по ному часа Небет Ушау, восьмого часа ночи. Николай посмотрел вниз — вода перед стеной заметно потемнела.

— Что это? — спросил он, указывая на воду.

— Кровь Апопа, — ответила чертовка, — здесь уже пришлось драться самому Ра.

— То есть мы опоздали на финальную битву? — разочарованно спросил Макар.

Чертовка покачала головой.

— Это ещё не финал; так, лёгкая разминка. А если ты соскучился по дракам, могу тебя утешить — слева по курсу к нам плывёт змей Сет-хер, Страж этих Врат. Защищайтесь!

Николай и Макар подняли гарпуны. Бой длился всего минуту, большего не потребовалось. Раненый Сет-хер скрылся в глубине, и Врата Бехехи открылись, пропуская лодку в ном восьмого часа ночи. Чертовка подняла лапу, указывая на дома, выстроившиеся вдоль берега.

— Это город Дебат-нечеру-эф…

— Зачем ты постоянно грузишь нас какими-то именами и названиями? — перебил её Макар. — У меня от них уже голова пухнет. И всё равно кроме Апопа никого не помню.

— Ты не понимаешь, — ответила чертовка, — имена в этом мире имеют огромное значение; не зная имени Сет-хера, вам бы не удалось победить его. Вы до сих пор живы лишь потому, что одна мелкая чертовка

успела изучить матчасть и подготовиться к этому путешествию. Это у вас «означающее скользит»,[20] а здесь слова имеют страшную силу.

— «Солнце останавливали словом, словом разрушали города»?[21] — спросила Эмили.

— Именно, — подтвердила чертовка, — причём в самом буквальном смысле. А как, ты думаешь, Исида стала величайшей волшебницей этого мира?

— Как? — заинтересовался Макар.

— Очень просто — она узнала истинное имя солнечного бога и, тем самым, разделила его могущество. Это случилось на заре времён, когда мир ещё был юным. Из глины и слюны Ра Исида слепила священную змею в форме стрелы и положила её на перекрёстке дорог, по которым он бродил, обозревая мироздание. Ра наступил на змею, и та ужалила его. Яд мгновенно растёкся по телу бога, причиняя ему нестерпимую боль. Ра закричал так, что загорелись кедры, растущие вдоль дороги. Сбежавшимся на его крик богам он рассказал, что его укусила тварь, возникшая неизвестно откуда; тварь, которую он не создавал. Боги сочувствовали, но облегчить страдания Ра никто не мог. Помочь ему вызвалась лишь Исида — но объявила, что для этого ей надо узнать истинное имя бога. Ра долго юлил, называя свои титулы — Сотворивший небо и землю; Разделивший время на часы, дни и годы; Зовущийся утром Хепри, днём Ра, а вечером Атумом. Но Исида оставалась непреклонной, ибо среди названных имён не было истинного. Не в силах терпеть боль, Ра наконец открыл Исиде своё истинное имя, разрешив передать эту тайну Гору, её ещё нерождённому сыну. После этого Исида освободила солнечного бога от яда, произнеся заклинание: «Выйди, яд, покинь Ра. О, Око Хора, выйди из бога и воссияй на его устах. Это я, кто творит, это я, кто заставляет яд побежденный упасть на землю, ибо имя великого бога было взято из него. Да будет жить Ра, да умрет яд!»

— Как-то это не очень красиво с её стороны, — сказала Эмили.

— Неэстетично, — поддержал подругу Макар, — зато дёшево, надёжно и практично!

23

---

[20] Бестия вспомнила Жака Дерриду.

[21] Эмили цитирует «Слово» Николая Гумилева:
«В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города».

Чертовка шумно вздохнула, показывая своё отношение к попыткам применить современную мораль к архаичному укладу.

— Вы, похоже, плохо представляете себе общество того времени. В период царствования Ра египтяне ещё пользовались каменными орудиями и не умели обрабатывать землю; в стране процветал каннибализм.[22] А впереди Исида прозревала затяжной кризис, восьмидесятилетнюю борьбу Гора и Сета за власть над Египтом. И кто знает, сколько веков тянулась бы эта смута, если бы Гор не узнал тайных имён Ра и Сета.

— Как?! — не поверил Макар. — И Сета тоже?

— Да, — кивнула чертовка, — и его. Причём в подобных же обстоятельствах. Однажды в период краткого перемирия боги плыли на ладье Гора, и Сета ужалил скорпион. Гор убедил соперника, что чары подействуют только через истинное имя бога; чтоб исцелиться, его придётся открыть. Сет, как и Ра, сначала пытался назвать свои титулы — День Вчерашний, День Нынешний и День Грядущий; Колчан, Полный Стрел; Котёл, Полный Смуты; Кувшин Молока из сосцов Бастет. Но заклинания не действовали, и лишь когда Сет открыл своё истинное имя — День Зла, Гор сумел изгнать из его тела смертоносный яд.

Эмили хотела что-то спросить, но не успела. На левом берегу за холмами небо вспыхнуло и погасло. Не прошло и минуты, как вспышка повторилась; короткие всполохи стали озарять небо с методичностью метронома. Ладья подошла ближе, и друзья увидели источник света — огромного змея, изрыгающего пламя.

— Всем приготовиться! — закричал Николай. — Враг слева!

— Отбой тревоги! — успокоила его чертовка. — Это Хети, слуга Гора. Он выполняет свою обычную работу — сжигает души врагов Осириса.

— Не все рептилии одинаково вредны, — сказал Макар, — для нас, по крайней мере.

Ночная Река изогнулась зигзагом, и стали видны все пять кораблей флотилии Ра, идущие плотным кильватерным строем. Солнечный бог плыл на последнем, его легко можно было отличить по золотому солнечному диску на голове. Рядом с ним стояла Исида в шлеме с коровьими рогами и Осирис в короне атеф; остальных богов издали было не узнать. Флотилия подошла к Вратам нома девятого часа ночи и скрылась за ними.

---

[22] Каннибализм запретил Осирис, когда взошёл на престол. Он же научил египтян обрабатывать землю и делать медные орудия.

Макар посмотрел на чертовку.

— Что замолчала, подруга? Давай, отсыпь нам очередную кучу топонимов — что за Врата, кто Страж. Только не перепутай, а то сожрёт нас очередной рептилоид.

— Я, в отличие от белковых, ничего не путаю, — ответила чертовка, — это Врата Аат-шеф-шефет. А охраняет их змей Аб-та.

— Аб-та, выходи! — заорал Макар во всё горло. — Выходи, подлый трус!

Змей высунул голову из воды, оценил обстановку и скрылся в глубине. Ладья прошла через распахнутые Врата и оказалась в номе девятого часа ночи.

— Действительно, просто, — сказал Макар, — выходит, я и сам теперь маг. Магия имени открыла мне эти двери.

— Ты просто напугал змея своим ором, — возразила чертовка, — а чтобы открыть Врата, надо знать имена сторожей коридора — Инхефта и Ремента. И не обязательно орать их на весь ном.

Флотилия Ра снова остановилась.

— Что там случилось? — спросила Эмили.

— Засада, — ответила чертовка, — Апоп пытается остановить солнечного бога. Ему помогают, змеи Сеси, Себиу, Ник и крокодил Шесшес.

— Попробуем догнать Ра, — сказал Николай.

— Не надо пробовать, — возразила чертовка, — надо догнать. Мы в номе самого тёмного часа ночи; здесь должна произойти решающая битва богов с Апопом. Мы прошли этот путь, чтобы помочь Ра. И вот, наконец, время пришло — наша помощь нужна ему здесь и сейчас.

24

Течение медленно несло друзей к ладье солнечного бога. Шаман налёг на рулевое весло, чтобы обойти флотилию справа, и ладья снова села на мель. Николай с досады саданул кулаком по борту.

— Как не вовремя! Проклятая река!

— С рекой тут всё нормально, — возразила чертовка, — это Апоп выпил всю воду, чтобы к нему не смогли подплыть с трёх сторон. Он каждую ночь так делает. А вы что стоите? — впрягайтесь!

Мужчины выпрыгнули из лодки и снова потащили её волоком.

— Э-эх, дубинушка, ухнем! — затянула чертовка. — Э-эх, зелёная, сама пойдёт, сама пойдёт, подёрнем, подёрнем, да ухнем! Поднажмите, парни, время уходит!

Мужчины поднажали, и через несколько минут перед ними открылась панорама великой битвы. Три бога, вооружённых копьями, сражались с Апопом, пытающимся добраться до ладьи Ра. Труп Сеси лежал на воде кверху брюхом, течение уже успело отнести его в сторону. Себиу, Ник и крокодил Шесшес, похоже, сбежали с поля боя; во всяком случае, их нигде не было видно.

Три бога поражали Апопа копьями, выкрикивая слова заклинаний.

— Что они говорят? — спросила Эмили.

— С Апопом всё сложно, — ответила чертовка, — в Дуате есть лишь одно место, где его можно победить. И оно именно здесь. А заклинание должно связать Апопа, запретить ему покинуть это место.

И действительно, издалека уже можно было разобрать слова заклинания: «Место убийства перед тобой, и боги Иаи перед тобой. Апоп, ты враг Ра, изыди, демон, перед стрелами его лучей. Ра низверг твои слова, боги отвернули твое лицо назад. Рысь Мафдет разорвала твою грудь, богиня-скорпион набросила на тебя путы, и Маат предопределила твое разрушение. Те, кто на путях, низвергли тебя. Ра пронзает твою голову, он рассекает твое лицо, он разделяет твою голову там, где соединяются ее кости, и она расколота в земле твоей, кости твои раздроблены на куски, члены твои отрублены, и бог Акер исполнил над тобой приговор судьбы».

— Они убьют его? — спросила Эмили.

Чертовка покачала головой.

— Его нельзя убить, он часть мироздания. Каждую ночь Апоп должен сражаться с Ра и его спутниками, преграждая солнечному богу путь к востоку. Таков порядок вещей, и никто не может его изменить.

— Но ведь они говорят об убийстве? — не поняла Эмили.

— В переносном смысле. Они лишают Апопа магической силы, проклиная каждое из двадцати девяти его имён. А на физическом уровне они могут только нейтрализовать его. Зафиксировать и обездвижить.

— Надёжно зафиксированный пациент в наркозе не нуждается! — вспомнил Макар старую шутку.

Чертовка посмотрела на него с сожалением.

— Очень смешно. Но сегодня ты, похоже, всё-таки дошутился.

Лодка друзей приблизилась к месту сражения, когда бой уже закончился. Боги Иаи обступили связанного верёвкой Аи Апопа и, сменив копья на молоты, заковывали его в цепи.

— Кажется, наша помощь Ра уже не нужна, — сказала Кузя.

— Да не кажется, а так оно и есть! — раздражённо прошипела чертовка. — Мы спустились в Дуат, чтобы помочь солнечному богу в решающей битве — и мы опоздали! Давай, Макарушка, пошути, как ты умеешь! «Прости нас, Ра, мы всё просрали!» — вот это всё! И про полимеры скажи, что замолчал?!

— И что нам теперь делать? — спросила Эмили.

— Убить себя о воду! — чертовка всё не могла успокоиться. — Или встать в кильватер бога и плыть за ним до последнего часа.

25

Когда самый тёмный час ночи подошёл к концу, флотилия Ра приплыла к Вратам Джесерит. Друзья пристроились за ладьёй солнечного бога, спокойно прошли мимо змея Сечу, мимо сторожей коридора Неми и Кефи, и попали в земли Игерет — ном часа Дендит-ухескет-хад-удебу, десятого часа ночи.

Догнать Ра никак не удавалось — лодки шли в узком фарватере, а за кормой последней двенадцать богов тащили на цепях пленённого Апопа. Упругое шестидесятиметровое тело билось в воде, пытаясь вырваться. Гигантский змей извивался и ревел[23] так, что его от его голоса сотрясались воды Ночной реки. Эмили с надеждой посмотрела на чертовку.

— Мы ведь уже прошли самый глухой час ночи? — спросила она. — Ты говорила, что дальше должно быть легче?

— Да, будет легче, — подтвердила чертовка, — но радоваться здесь нечему. Мы не сделали того, что должны были сделать.

Возразить было нечего; все молча смотрели вслед удаляющемуся каравану. Слева от ладьи Ра шли четыре бога со скипетрами — Банет, Сешеши, Ка-Имент и Ренен-себу. Что творилось на самой ладье, было не разглядеть — боги, удерживающие Апопа, полностью закрывали обзор. Над их шеренгой возвышался только солнечный диск Ра, рогатый шлем Исиды и корона атеф.

---

[23] Одно из имён Апопа — «тот, кто сокрушает рёвом».

— Интересно, почему у жены Осириса такие большие рога? — спросил Макар. — Это потому, что её муж переспал с Нефтидой?

Чертовка презрительно фыркнула.

— Кто о чём, а вшивый о бане! Слышал бы тебя Бишай — посоветовал бы тебе уподобиться Сехакеку.

— А это ещё кто? — спросил Макар.

— Демон, вызывающий мигрень. Знаменит тем, что язык у него не во рту, а в анусе.

Эмили фыркнула, прикрыв рот ладошкой. Макар обиженно отвернулся.

— Но всё-таки — почему рога? — спросила Кузя. — Исида же была царицей.

— Верно, — согласилась чертовка, — была царицей и носила царский венец. Но после убийства Осириса на трон взошёл Сет, а затем началась долгая смута. Гор-са-Исет-са-Усир, сын Исиды и Осириса, восемьдесят лет боролся с Сетом за власть над Египтом. Они собирали суды богов, дрались в собственном облике или оборачиваясь дикими зверями, бились один на один или собирали сторонников и устраивали массовые побоища. В одной из таких битв Гор пролетел над вражеской армией крылатым огненным диском. Он ослепил врагов своим светом; обезумев, они набросились друг на друга и каждый убил своего соседа. Сета Гор поразил копьём, связал и вместе с другими пленными передал своей матери. Исида обезглавила всех, кроме Сета; своему брату она позволила обернуться змеёй и скрыться под землёй. Гор рассвирепел и сорвал с матери царский венец. Тогда Тот сделал для неё новый убор — с коровьими рогами, которые так тебе понравились.[24]

— Не то, чтоб понравились, — попытался оправдаться Макар, — просто смотреть тут больше не на что. Никто не пытается нас сожрать или поджарить. Пикник, а не боевая операция.

— Потому что на драку вы опоздали! — вновь завелась чертовка. — А сейчас Сеси уже убит, Апоп скован, мелочь разбежалась. Да и защитников у солнечного бога прибавилось — ночь кончается, и к его каравану присоединяются боги звёзд. Множество богов собрались сейчас вокруг Ра — змей Анхи, стоящий на хвосте крылатый урей Семи, изрыгающий пламя Беси, копьеносцы Сету, Рау, Хесефу, Некену. Змей Чем-херу с двумя головами

---

[24] «Исида же, получив скованного Тифона, не казнила его, но развязала и отпустила. У Гора не хватило терпения снести это: он поднял на мать руку и сорвал с головы её царский венец. Но Гермес увенчал её рогатым шлемом». Плутарх. «Исида и Осирис».

с каждой стороны тела; на одной его голове красная корона, на другой — белая. Две его ноги повёрнуты вправо, две влево…

— Милая животинка, — сказал Макар, — Тянитолкай на максималках.

26

Врата Шетат-бесу караван миновал без приключений; змей Им-нет-эф не решился напасть на флотилию солнечного бога. Количество существ, сопровождающих ладью Ра в сторону рассвета, снова увеличилось — его свиту пополнили боги, несущие свет, боги, несущие звёзды, боги, которые выходят и женщины, оберегающие часы. Существа, не способные покинуть ном одиннадцатого часа ночи, возложили белые короны на головы богов, сопровождающих Ра. Апоп, которого по-прежнему тащили за караваном на шести цепях, похоже, устал и уже не пытался вырваться. Долгое ночное плавание подходило к концу.

— Странное место этот Египет, — сказала Эмили, — я всегда считала его выхолощенным аттракционом для пожилых туристов и съёмочной площадкой для голливудских режиссёров. Даже представить не могла, что тут таится такое. Жаль, никогда раньше не была в этой стране. А ты?

Она посмотрела на Макара, и тот непроизвольно выпятил грудь.

— Не совсем тут, но близко. Это было одним из первых наших заданий — обезвредить слетевшего с катушек голема.[25]

— Кстати о големах, — оживилась чертовка, — вы знаете, что самого первого создали именно здесь?

— В Египте? — уточнила Эмили.

— Горячо, но не в точку, — ответила чертовка, — здесь — значит, здесь, в Дуате. Причём слепил его тот самый маг, через гробницу которого мы сюда проникли.

— Мерира? — поразилась Эмили.

— Он самый. Мерира служил при дворе фараона Сисбека. Он, как я уже говорила, был магом, писцом и художником, весьма искусным в своём деле. Настолько, что завистливые коллеги надёжно блокировали его карьерный рост, не давая ему проявить себя.

— Знакомая история, — прокомментировал Макар, — разбудите меня через три тысячи лет и спросите — что изменилось в Египте?

---

[25] Эта история описана в первой книге цикла «Хтонь».

— Ничего, — ответила чертовка на риторический вопрос, — самых талантливых всё так же систематически задвигают, а при случае подставляют. Именно это и случилось с несчастным Мерирой. Когда Сисбек заболел, никто из жрецов и магов не смог ему помочь. Тогда к фараону привели Мериру и объявили, что лишь он может спасти владыку. Мерира осмотрел больного и зарыдал — болезнь была смертельной. Он объяснил, что теперь кто-то непременно должен умереть; чтобы фараон остался жив, в Дуат придётся сойти ему, Мерире. Только там он сможет упросить богов не забирать жизнь фараона раньше срока. Выбор Сисбека был очевиден, и Мерира стал готовиться к смерти. Он взял с фараона клятву, что никто из мужчин не приблизится к его жене; Сисбек пообещал Мерире защитить его вдову и позаботиться о его сыне. После этого Мерира исполнил свою часть договора — позволил убить себя, сошёл в Дуат и вымолил у Осириса долгую жизнь для Сисбека.

— А фараон его кинул? — не выдержал Макар.

27

Чертовка посмотрела на него с осуждением.

— Поспи ещё пять тысяч лет. Для капитана Очевидность это не срок.

— Понял-осознал, — быстро сказал Макар, — виноват-исправлюсь.

Чертовка решила не нагнетать и продолжила.

— Вскоре после этого богиня Хатхор заглянула в Дуат и рассказала, что на земле всё плохо. Завистливые маги оклеветали Мериру. Фараон поверил им и нарушил все свои обещания — убил сына Мериры, взял его жену в наложницы и присвоил его дом. Тогда Мерира вылепил голема из глины, оживил его своей магией и послал в мир живых.

Чертовка сделала паузу, и Кузя тут же этим воспользовалась.

— Что-то у тебя здесь не вяжется. Слепить существо из глины и вдохнуть в него жизнь — это же пародия на божественное творение! Попытка соперничать с богами, то есть смертный грех! А в твоей истории Мерира отнюдь не грешник, он со всех сторон положительный.

— Ты не права, — ответила чертовка, — разве производители роботов считают себя богами? Тебя, видимо, напрягает аналогия — ты веришь, что первого человека слепили из глины, и потому людям не стоит пытаться оживлять глиняных кукол. Но египтяне верили, что в людей превратились слёзы Ока Атума; для Мериры глина — такой же профанный материал, как металл и кремний для робототехников.

— Дендро-фекальный принцип, — пояснил Макар, — созданное из дерьма и палок не может быть сакральным.

— А созданное из макарон и тефтелей — может? — спросила Эмили.

— Летающий Макаронный Монстр на это и не претендует! — гордо ответил Макар.

— Отлично, — сказал Николай, — с элементной базой трёх религий мы разобрались. Давайте всё-таки дослушаем Бесю, она наш главный источник информации об этом мире.

Чертовка кивнула и продолжила.

— Голем явился к фараону и велел сжечь вероломных магов. Те пытались возражать, но глиняный человек был убедительней; в конце концов, Сисбек приказал казнить виновных. Месть совершилась — плохих бояр покарали, хороший фараон, как всегда, остался вне подозрений. После этого голем вернулся к Мерире, чтобы рассказать о своей победе и принести хозяину букет земных цветов.

— Типичная нереволюционная ситуация, — сказал Макар, — верхи могут, а низы не против. И за это им букетик или медальку, но никак не больше.

— Цветы, кстати, Мерира сразу отдал Осирису, — уточнила чертовка.

— Тем более. Не успел освободиться от одного тирана, как тут же нашёл себе нового хозяина. Интеллигент паршивый, а ещё усех[26] надел!

— Ты не слишком увлёкся? — спросила Эмили Макара. — За рекой успеваешь следить?

— Тут особо следить не за чем, — ответила за него чертовка, — это спокойный ном. Ночь уже на исходе. Послушай, что поют боги Дуата.

Эмили прислушалась. Звук над водой разносился далеко, и можно было разобрать слова заклинания: «Это выход из Имента и место отдыха в двух областях Нуна, и бог совершает свои преображения в руках Нуна. Этот бог не восходит на небо, но он открывает Дуат своими преображениями, происходящими в Нуне. Дуат сообщается с небом при помощи двух рук бога, чье имя сокрыто. Он пребывает во тьме, которая непрерывна, и Ра воскресает в ней из ночи».

— А при чём тут Нун? — спросила Кузя.

---

[26] Широкий воротник-ожерелье.

— Каждый этнос по-своему структурирует понимание мира, — ответила чертовка, — ты привыкла к трёхчастному делению; в этой модели порядок наверху, а хаос внизу, в Преисподней. А египтяне считали, что весь их мир — лишь непрочный пузырь в бескрайнем океане Нун, океане хаоса, окружающем их со всех сторон. Этот хаос в любой момент может прорваться и затопить их.

— Но разве внутри этого пузыря всё было так благостно? — спросила Эмили. — Явно же там был не цветущий сад и не град на холме.

— Всё немного сложнее, чем ты думаешь, — ответила чертовка, — и боги Египта, и фараоны, и простые смертные стремились поддерживать порядок — маат и минимизировать внутренний хаос системы — исефет, сохраняя хрупкое равновесие между ними. Но внешний хаос Нун — это совсем иное. Это неумолимый распад и стирание всего сущего. В конце времён он обязательно прорвётся, уничтожит мир и вернёт Вселенную в состояние тепловой смерти. В этом океане первозданного хаоса останутся лишь Атум и Осирис, которые в будущем смогут создать новый мир. Новое небо и новую землю.

28

Перед очередной стеной стояли два шеста — один был увенчан диском, другой скарабеем.

— Это символы Атума и Хепри, — объяснила чертовка, — двух ликов солнечного бога. Мы дошли до Врат Десерет-бауи, Врат Красных душ, открывающих путь в ном часа Маа-неферет-Ра, последнего часа ночи. У них тоже есть Страж — змей Себи, но к нам он вряд ли приблизится.

— Но кто-то же здесь наверняка есть, — сказал Макар, — кто-то должен выпрыгнуть, как чёртик из табакерки. По законам жанра — «в последний момент».

Чертовка презрительно фыркнула.

— Ты всё никак не повзрослеешь! Мыслишь голливудскими штампами. Но в этом номе действительно безопасно. Солнечный бог спокойно доплывёт до Врат Рери, покинет Дуат и продолжит свой путь по небу в образе юного Хепри- хеперджесефа.[27]

— А как же мы?! — спросила Эмили. — Выходит, мы напрасно проделали весь этот путь?!

— Выходит, так, — ответила чертовка.

---

[27] Хепри самосотворённого.

Все надолго замолчали; желания говорить ни у кого не было, да и обсуждать было уже нечего. Казалось бы, всё закончилось хорошо — Апоп повержен и закован в цепи, солнечный бог без потерь прошёл все двенадцать номов Ночной Реки. Сейчас он откроет Врата Рари, сменит ладью — и наступит новый рассвет. Будет день — и будет пища, будут новые мечты и новые открытия. Жизнь продолжится.

Но что-то всё же было не так. Николай подумал, что, возможно, сработал эффект наблюдателя — само их появление в Дуате изменило картину происходящего. Всё стало выглядеть вполне приемлемым; но, если где-то была ущербность, она не могла исчезнуть бесследно.

Мрачные мысли преследовали его почти час — бесконечно долгий последний час ночи. Наконец флотилия Ра миновала город Хеперет-кекуи-хаат-месет и вошла в тёмную пещеру; Шаман направил ладью вслед за последним кораблём.

— Где мы? — спросила Эмили.

— Твой друг сказал бы, что мы в жопе, — ответила чертовка, — причём в полной.

— А на самом деле?

— На самом деле, он был бы прав. Последний отрезок ночного пути проходит *сквозь* змея Ка-эн-Анх-нечеру. То есть караван заплывает в клоаку змея, а выплывает из его пасти.

— Но зачем?!

— Таков ритуал обновления. Входит в змея усталый престарелый бог, а выходит юный и свежий.

— А с нами это сработает? — спросил Макар.

Чертовка хмыкнула.

— Боишься, что Кузе придётся менять вам подгузники? Не напрягайся, этот фокус действует только на богов.

Змей оказался не слишком длинным; уже через несколько минут в конце живого туннеля показался свет. Ладья выплыла из раскрытой пасти и пристроилась за последним кораблём каравана. Ночь подходила к концу, вокруг становилось всё светлее.

Флотилия Ра дошла до Врат Рари и остановилась. Уреи Исиды и Нефтиды, охраняющие выход из Дуата, замерли в ожидании. Ладья солнечного бога подошла к ним вплотную; Осирис и Ра обнялись, прижались друг к другу и, казалось, слились воедино.

— Они не того? — спросил Макар. — Не это самое?

— Кто о чём, — вздохнула чертовка, — нет, они не «это самое». Всё проще — солнечному богу нужна энергия для дневного рейда. А энергии всегда не хватает. Вот Осирис и делится с ним своей, накачивает его под завязку.[28]

— Как повербанк?

— Ну, если тебе так понятнее.

Николай ждал, что Врата Рари вот-вот распахнутся, но процедура подзарядки подозрительно затянулась. Смутная тревога где-то внутри росла с каждой секундой. Он посмотрел на чертовку.

— У них всё в порядке?

Та отрицательно покачала головой.

— Похоже, не очень.

29

Минута шла за минутой, но солнечный бог всё не мог оторваться от Осириса. Весь подземный мир, казалось, застыл в напряжённом ожидании. Эмили зябко поёжилась.

— Что там случилось?

Чертовка нервно передёрнула плечами.

— Похоже, энергии Ра и Осириса не хватило для раскрытия последних Врат.[29]

— И что же нам делать?

— Ждать. Время ещё есть, хотя…

---

[28] «Каждую ночь Осирис — как божество, отвечающее за возрождение, — сливался с одряхлевшим солнечным богом и наполнял его силой, чтобы Ра снова взошел на востоке и продолжил путь по небосводу… Умирающий солнечный бог ночами сливался с Осирисом, чтобы тот помог ему возродиться. На рассвете божества разъединялись, и солнечный бог с новыми силами продолжал путь по небу». Шоу Гэрри «Египетские мифы. От пирамид и фараонов до Анубиса и «Книги мертвых».

[29] «Согласно другому мифу, Ра однажды заболел, и исцелить его могли лишь могущественные обитатели Дуата. Опасаясь, что Ра навсегда останется в загробном царстве, если его болезнь не уйдет, приближенные солнечного бога отправили послание гелиопольским жрецам, в котором просили обратиться «к людям запада» (то есть к усопшим) через расселину в земле». Шоу Гэрри «Египетские мифы. От пирамид и фараонов до Анубиса и «Книги мертвых».

Николай посмотрел на часы — последний час ночи заканчивался, оставалось всего несколько минут до рассвета. Или до конца света — до окончания пятидневного срока, рассчитанного аналитиками Инферно.

— Беся, — позвал он, — тебе не кажется, что сидеть и ждать — это так себе план?

— А чего ты хотел? — отозвалась чертовка. — У тебя есть план получше?

Николай не ответил; плана у него не было.

— Ты ведь, кажется, мечтал порыбачить в этих водах? — внезапно спросила чертовка. — Если ещё не расхотел, сейчас самое время.

Николай удивлённо посмотрел на неё — ловить рыбу в такой ситуации? Хотя почему бы и нет; ожидание становилось совсем невыносимым. Он взял гарпун и вгляделся тёмную воду. Какие-то тени скользили в глубине, изредка поднимаясь к поверхности. Один резкий удар, второй… Третьим ударом Николай проткнул голову небольшого осетра. Он втащил рыбину в лодку, и она забилась на дне.

— И что теперь?

— А теперь подари его Осирису, — ответила чертовка.

— Осирису? — переспросил Николай. — Может быть, Ра?

— Осирису, — подтвердила чертовка, — и не тяни, время уходит.

— Ты уверена? — с сомнением спросила Кузя. — Насколько я помню, у египтян осётр считался нечистой рыбой. Как бы хуже не стало.

— Хуже не будет, — уверенно ответила чертовка, — потому что хуже просто некуда. Дари!

Шаман налёг на рулевое весло, и ладья друзей подошла вплотную к ладье с божественной Эннеадой.[30] Только теперь друзья смогли рассмотреть корабль богов. Он поражал своими размерами; его передняя часть была сделана из акации, а задняя из сикомора.[31] Рост богов тоже превосходил воображение — казалось, даже богини были не ниже четырёх метров. Точнее определить не получалось — от Эннеады исходило такое сияние, что смотреть в её сторону было невозможно.

— Беся! — позвал Николай. — Я ничего не вижу! Кто из них Осирис?

---

[30] Девяткой богов.

[31] Плодовое дерево рода фикус.

— Не поднимай голову, — посоветовала чертовка, — смотри на их руки. У Осириса зелёная кожа.

Николай зажмурился и вытер влагу, просочившуюся из-под век. Моргнув несколько раз, он сумел, наконец, различить смутные очертания зелёной фигуры. Николай поднял осетра и, не глядя, протянул его Осирису.

— Владыка Дуата, прими наш скромный дар…

Осирис наклонился, протянул руки и молча принял рыбину. Шаман поспешно отвёл лодку в сторону — жар, исходящий от короны Осириса, жёг немилосердно.

Николай снова посмотрел на часы.

— Осталось две минуты.

— До чего? — спросила Эмили.

— До момента истины.

30

Эмили сильнее прижалась к Макару.

— А что будет, если...

— Ничего хорошего, — ответила чертовка, — в лучшем случае — локальный прорыв хтони. Здесь её называют водами океана Нун; но как хаос ни называй, он хаосом быть не перестанет. Солнце, конечно, взойдёт, куда оно денется. Но для вас ослабленное солнце — это новый ледниковый период. Такой прорыв объяснил бы пропадание временной петли, только вряд ли это знание кому-то поможет.

Внезапно впереди вспыхнул яркий свет, на секунду ослепивший всех. Когда зрение вернулось, Николай увидел, что ладья солнечного бога проходит через Врата Рари. Чертовка толкнула Шамана в плечо.

— Вперёд! — заорала она. — Не тормози! Рули за ним!

Течение резко ускорилось, подхватило лодку и вынесло её на берег Нила в районе Карнакского храма. Друзья сошли на землю. Чертовка вышла последней, оттолкнула лодку и пустила её вниз по течению. После двенадцати часов в неудобных позах ноги отказывались слушаться; сделав несколько шагов, друзья опустились на траву.

— Что это было? — спросила Кузя.

— Победа, — коротко ответила чертовка, — солнечный бог вновь обрёл силу. Конец света, как всегда, откладывается.

— Но почему? Это из-за рыбы?

Чертовка улыбнулась, растянув пасть от уха до уха.

— Не совсем. Скорее из-за того, что было в этой рыбе.

— А что такого в ней было? — спросил Макар. — Ты же, надеюсь, не собираешься рекламировать волшебные свойства чёрной икры?

Чертовка улыбнулась ещё шире.

— А сам не догадался? Помнишь, я рассказывала, как Сет разрубил тело Осириса на четырнадцать частей? Но Исида нашла только тринадцать. Чего, ты думаешь, не хватало в этом пазле?

— Да неужели?! — взмахнул руками Макар.

— Именно.

— Стоп, стоп! — остановила друзей Эмили. — Я рада, что вы понимаете друг друга с полуслова. Но можно повторить всё это ещё раз — полными словами?

— Запросто! — ответила чертовка. — Трагедия была в том, что Исида не смогла найти отрубленный фаллос Осириса.[32] Сет бросил его в Нил, где его проглотил осётр. Все считали, что дальнейшие поиски бессмысленны — фаллос давно переварен и возвращён в природный круговорот органики. Но божественная плоть нетленна.

31

Для Николая слова чертовки стали полной неожиданностью. Он приподнялся на локте и посмотрел ей в глаза — не шутит ли.

— Это что же получается? Выходит, я вернул Осирису недостающую часть? В последнюю минуту ночи?

— Воистину! — подтвердила чертовка. — Вот так причудливо тасуется колода![33] Ты всегда был ловцом человеков; но в этот раз, чтобы спасти мир, тебе пришлось поймать рыбу.[34]

Макар подполз к Эмили и ткнулся носом ей в ухо.

---

[32] «Из всех частей тела Осириса Исида не нашла только фалл, ибо он тотчас упал в реку и им кормились лепидоты, фагры и осетры, которыми гнушаются больше, чем всякой другой рыбой». Плутарх «Исида и Осирис».

[33] Цитата из «Мастера и Маргариты» М.Булгакова.

[34] Бестия вспоминает эпизод из Евангелия от Луки.

— Слышала? Фрейд-то оказался прав — вот на чём вертится мир![35] А ты считала его озабоченным!

— Кто бы говорил! — фыркнула Эмили. — Это у тебя всё вертится вокруг одного.

— Неправда! — притворно возмутился Макар. — Я ещё и пожрать люблю! А сейчас просто радуюсь, что всё так хорошо закончилось. Нашёлся к шарику горшок и хвост ко дню рождения![36] Хепри всё-таки выкатил на небо свой диск — значит, и в этот раз мир устоял. А с петлёй… Что ж, если брешь в континууме закрылась, дальше придётся всё делать самим. Прорвёмся, не в первый же раз.

Он перевернулся на другой бок и посмотрел на чертовку.

— Я одного только не понимаю — ведь Исида с Осирисом зачали Гора уже после расчленёнки? Но как??? Богомол, конечно, может спариваться и без головы — так она, по большому счёту, в процессе особо не участвует. А фаллос именно под это дело и заточен — как же без него?

Чертовка развела лапами.

— Магия![37] Это же Та-Кемет, здесь и не такое случалось. Одного героя по имени Бата старший брат обвинил в покушении на честь своей жены; чтобы доказать свою честность, Бата сам отсёк себе гениталии и бросил их в Нил.[38] Подоспевший сом тут же проглотил добычу. Можете представить, какое будущее могло ждать оскоплённого мужчину в Древнем Египте. Но Бата не сдался, взял себя в руки, женился на самой прекрасной в мире женщине и всё-таки оплодотворил её. Родила она, правда, не сына и не дочь, а самого Бату.

— И чем там всё закончилось? — спросил Макар.

— Для кого как, — ответила чертовка, — для братьев хорошо, они стали фараонами. А для их неверных жён плохо — их казнили. Сами понимаете — патриархальная страна, нулевая толерантность.

32

---

[35] Цитата из «Евгения Онегина» А.Пушкина.

[36] Цитата из «Вини Пуха» А.Милна в переводе Заходера.

[37] «Исида же, по рассказам, вместо него сделала его изображение и освятила фалл; в честь него и сейчас египтяне устраивают празднества… И вошедшее в миф предание о том, как Тифон бросил фалл Осириса в реку и как Исида его не нашла, но, изготовив и сотворив похожее изображение, повелела чтить его и носить в фаллических процессиях… И везде показывают человекоподобные изображения Осириса с фаллом, подъятым в знак его производительной и питательной мощи». Плутарх «Исида и Осирис».

[38] Бестия вспоминает древнеегипетскую «Повесть о двух братьях».

Какой бы слаженной ни была команда, лишний раз проверять её на прочность не стоит. Любые споры на гендерные темы лучше пресекать в самом начале.

— Вы не о том думаете, — Николай повысил голос, привлекая внимание, — главный вопрос — мы выполнили свою миссию? Или вечером нам придётся повторить сплав по Ночной Реке?

— Вы закончили, — ответила чертовка, — благодаря вам, Осирис обрёл новые силы; теперь их хватит надолго.

— Вот это и непонятно, — сказала Кузя, — что за странная стратегия — каждую ночь собирать силы, рискуя, что утром их окажется недостаточно. Не легче ли единожды убить Апопа — раз и навсегда? В номе девятого часа вокруг Ра собирается огромная команда; даже Сет помогает солнечному богу, разя змея своим гарпуном. Хотя, казалось бы, от Сета трудно ожидать чего-то хорошего. Разве армия Ра не способна положить конец происка Апопа? Отсечь ему голову, разрубить его на части, сжечь, наконец?

— Они делают это каждую ночь, — ответила чертовка, — но того, кто владеет Оком Зла, нельзя окончательно уничтожить. Он часть системы.

— Так пусть боги изымут из системы эту лишнюю часть! — вмешался Макар.

Чертовка натянула на морду выражение усталой снисходительности; так она делала всегда, когда повторяла что-то второй раз.

— Как бы тебе, воспитанному гаджетами, попроще объяснить… Вот ты включаешь комп и начинается новый день. Что происходит после включения?

— Начальное тестирование.

— Правильно. Тестирование необходимо, его нельзя отключать. Но если оно не завершится успехом, система не начнёт загружаться. И солнышко не встанет.

Макар нахмурился, соображая.

— Ты хочешь сказать, что Апоп — тестовая прога? И все мы в матрице?

— Не понял, — разочарованно вздохнула чертовка, — ладно, давай скажу по-другому. Вот ты лежишь на берегу Нила, вдыхаешь запах реки и выхлопные газы с набережной. Не замечая, что атмосферный столб давит на твою грудную клетку. Но если бы тебе удалось прожить ещё лет семьдесят, вряд ли ты смог бы дышать так легко. Сначала было бы трудно, потом очень

трудно, а потом и невозможно. Game over.[39] Тестовый контроль организма не пройден — и без всяких криптотеорий о матрицах.

— И с цивилизациями так же? — спросила Эмили.

— Примерно, — ответила чертовка, — вот вы удивляетесь, почему во всех мирах периодически появляются Тёмные Властелины, причём многие из них жаждут даже не власти; их цель — уничтожить свой мир. Окончательно и бесповоротно. Вам это кажется нелогичным — ведь, уничтожив мир, злодей при этом и сам погибнет. Апоп, кстати, точно такой же — погасив солнце над своей Землёй, он обрушит преграды для вод Нун и низвергнет свою Вселенную в океан хаоса. Думаете, эти Тёмные — больные суицидники? На самом деле, всё проще; каждый такой Властелин — это очередной тест на жизнеспособность системы. А вы — её лейкоциты; ваша задача — обезвредить Тёмного и тем самым доказать, что жизнь на Земле достойна продолжения.

— Ты намекаешь, что эти Тёмные и дальше будут появляться? — спросила Эмили.

— Именно. И вас будут периодически призывать, потому что всегда кто-то должен спасать мир. А когда вы перестанете соответствовать, призовут других.

— «Перестанете соответствовать» — это у тебя такой эвфемизм?! — возмутился Макар. — В смысле — когда нас грохнут на очередной миссии?

Чертовка скромно опустила глаза.

— Ты говоришь.

33

Николай оглядел свою команду.

— Ну что, отдохнули? Тогда вперёд!

Бишай ждал их за столиком в кафе «El Saltana», потягивая колу из высокого стакана. Вокруг столика стояло шесть стульев, ожидавших гостей. Друзья заняли пустующие места; Бишай отодвинул стакан и улыбнулся.

— Вы всё-таки вернулись. Значит, под усыпальницей не Дуат, и я тоже смогу туда спуститься.

— Мы вернулись, — подтвердила чертовка, — но тебе туда не надо. Там действительно один из входов в Царство Мёртвых. Нашим путём ты пройти не сможешь; спустившись, ты попадёшь прямо на суд Осириса.

---

[39] Игра окончена (англ.)

Конечно, других вариантов по твоей вере нет, но подумай — стоит ли торопить это событие?

— Согласен, — кивнул Бишай, — моё сердце отягощено грехами и перевесит любое перо. Торопить прощание с этим миром мне точно не стоит.

Чертовка широко оскалилась.

— А вот тут ты не прав! Сегодня ночью ты помог спасти этот мир, и в награду за это Маат обнулила все твои грехи. Можешь прямо сейчас начать с чистого листа — хочешь, греши дальше; хочешь, меняй жизнь на праведную. Можешь устроиться в Каирский музей, с твоими знаниями тебя там с руками оторвут. Или можешь остаться в Луксоре, водить экскурсии по Долине Царей. Отсюда, когда придёт твой срок, совсем недалеко до входа в Дуат.

— Я подумаю, — ответил Бишай, — спасибо, маа херу Джехути.

Он встал, приподнял шляпу, слегка наклонил голову и вышел из кафе.

— Маа херу Джехути? — удивлённо спросил Макар. — Это что, одно из твоих имён?

Чертовка недовольно поморщилась, вопрос ей явно не понравился.

— Нет, — ответила она наконец, — маа херу — это титул того, чьи слова обладают силой и не могут не сбыться. А Джехути — одно из имён бога Тота.

— Который с головой ибиса?

— Как правило. Но иногда он появляется и в образе павиана. А у Бишая проблемы с «туннелем реальности», он смотрит на мир с высоты пяти тысячелетий. Он не верит ни в ангелов, ни в бесов; для него это выдуманные персонажи одного из новомодных культов. Но моды мимолётны; моды боятся времени…

— А время боится пирамид![40] — закончил Макар.

— Верно. Поэтому Бишай считает меня Тотом-Джехути в образе павиана, не утруждая себя вопросом, откуда у павиана рожки и копытца.

— И где его огромная красная… — начал было Макар, но Эмили быстро наступила ему на ногу, и он мгновенно осёкся.

34

Кузя поставила локти на стол и упёрлась подбородком в ладони.

---

[40] «Мир боится времени, а время боится пирамид». Египетская пословица.

— Я всё-таки не понимаю — за что Бишаю даровали прощение?! Он же практически ничего не сделал!

— Не преуменьшай его заслуг, — возразила чертовка, — он сделал немного — но он сделал всё в нужном месте и в нужное время. С точностью до часа. А это дорогого стоит.

— Но Полкан же сделал гораздо больше! Он вернул мощь Осирису, он сокрушил владык Шибальбы, он вывел Даймунгу из Хэргу буга, Нижнего мира ороченов.[41] Он столько раз спасал мир — и всё равно проклят навеки!

— Да! — подхватила Эмили. — И Макар — он же всё время был с Полканом, с самого начала! Они вместе бились и побеждали — так почему светлая сторона их отвергает?!

— Почему-почему, — передразнил Макар, — по кочану!

Почему всё так вышло? И будет ложью

на характер свалить или Волю Божью.

Разве должно было быть иначе?

Мы платили за всех, и не нужно сдачи.[42]

Эмили подалась вперёд, глаза её увлажнились.

— Но ведь это всего лишь слова! Красивые слова, за которыми ты прячешь дырку в душе! Это всё равно, что закрыть картиной дыру в стене — смотрится мило, но сквозит так, что вся стена в инее!

Макар обнял подругу и прижал к себе.

— Наверное, ты права. Но знаешь — возможно, наш мир ещё держится лишь потому, что люди находят слова, способные закрыть любую брешь.

— Ага, — кивнула чертовка, — я давно подозревала, что этот мир держится на честном слове.

2026

---

[41] Это истории из шестой и второй книг серии «Хтонь».

[42] «Песня невинности, она же – опыта». И.Бродский.